

ИНВЕРСИЯ ФИКУСА

Алекс
Зотов

Ты должен
изменить себя,
чтобы выжить

▶ ДЕТЕКТИВЫ И ТРИЛЛЕРЫ

RED

18+

RED. Детективы и триллеры

Алекс Зотов

Инверсия Фикуса

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2021

Зотов А.

Инверсия Фикуса / А. Зотов — «Редакция Eksmo Digital (RED)»,
2021 — (RED. Детективы и триллеры)

ISBN 978-5-04-163889-4

Середина девяностых годов – трудные времена беззакония и криминального передела. Молодой и талантливый инженер Федор Савченко после закрытия предприятия вынужден работать таксистом. Волею нелепого случая он оказывается втянут в кровавые события, захлестнувшие маленький провинциальный городок. Под давлением обстоятельств тихий «ботаник» Федя превращается в расчетливого «выживальщика», который ради спасения себя и своей девушки не раздумывая готов идти на самые крайние меры. Удастся ли молодым людям спастись, когда по их следу идут профессиональные убийцы? Комментарий Редакции: Остроумный детектив о сюрреалистических инверсиях и превращениях, которые происходят только в абсурдной реальности российской провинции с самыми обыкновенными людьми.

ISBN 978-5-04-163889-4

© Зотов А., 2021

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	40
Глава 13	44
Глава 14	48
Глава 15	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алекс Зотов

Инверсия Фикуса

Дверь, за которой скрыто хорошее, трудно открыть. Дверь, за которой скрыто дурное, трудно закрыть.
Китайская поговорка

Глава 1

До чего же противен октябрь в Глуховецке! Холодно, дождливо, грязно и невыносимо тоскливо. Одинокие дома стоят, словно серые покосившиеся стога сена на осеннем поле, между которыми грязными кривыми тропками выются разбитые дороги, еле освещенные одинокими фонарями на покосившихся столбах. Раньше это не замечалось и так остро не ощущалось. Федор Савченко сидел за рулем своего такси на привокзальной площади и тупо смотрел в темноту. В салоне бордового «Вольво» было жарко, душно, сонливо и до боли одиноко. За день три клиента, и те по-мелкому. Дождь, зарядивший с утра, уже к четырем часам разогнал все тридцатитысячное населения городка по домам. Оставалась слабая надежда на ночной 613-й поезд из Москвы, но по средам в нем прибывает человек десять – пятнадцать, не более, а на вокзальной площади скопилась практически вся армия таксистов Руслана. Но основная причина душевного недуга Федора заключалась в том, что две недели назад от него ушла Нина, его жена, единственный близкий и родной человек.

Пожалуй, впервые за последние годы Федор задумался о том, как из успешного молодого сотрудника серьезного государственного предприятия он превратился в одинокого несчастного бомбилу, безнадежно застрявшего в маленьком Глуховецке. Ведь вроде все в жизни складывалось так удачно!

Школа с отличием в Калининграде, поступление в Московский институт энергетики и электротехники, комсорг группы, красный диплом, и... неожиданное несправедливое распределение в, богом забытый Глуховецк. Это было, пожалуй, его первым серьезным потрясением при столкновении со взрослой реальной жизнью. Оказалось, что в этом мире далеко не всегда все решают отличные оценки по физике и математике, а также общественная деятельность и поведение «без залетов». Оказывается, существуют какие-то другие непонятные законы и правила. И это ему легко доказал отчим, директор Калининградского отделения Военторга. Он задействовал все свои связи и сумел выхлопотать для Федора приличное место на предприятии московского ЗИЛа в должности инженера по технике безопасности. Работа не очень обременительная, со средней зарплатой, но зато с огромными перспективами и возможностями, как сообщил отчим. Однако для начала Федору надо было прибыть по месту распределения, проработать там пару недель, после чего он по запросу с предприятия переводом будет возвращен в Москву на ЗИЛ.

Да какая разница – инженером по технике безопасности на ЗИЛе или инженером по контролю качества на каком-то глуховецком комбинате! И в том и в другом случае это было совершенно не то, к чему стремилась душа Федора. Савченко грустно вздохнул и обреченно отправился в неведомый Глуховецк. И вот ночь, мрачная привокзальная площадь, холод, дождь, темнота на улице. Еще больший мрак и холод в душе. Подошел 613-й из Москвы, но Федор даже не отреагировал, пытаясь, как обычно, хотя бы взглядом отыскать потенциальных клиентов. Приезжих было мало, да и те быстро растворились в теплых салонах машин более удачливых коллег Федора. Остальные автомобили досадливо рыкнули и до утра разлетелись по дома. Площадь опустела.

Федор тоже было уже собрался уезжать, когда в последний момент заметил одинокую маленькую шуплую фигурку подростка с двумя большими тяжелыми чемоданами. Несмотря на дождь и угрожающие размеры чемоданов, паренек уверенно двигался к машине Федора. «Видимо, какой-то горемыка-студент, приехавший навестить родню. Денег наверняка в обрез, сейчас начнет нудно торговаться, объяснять свое тяжелое положение», – быстро проиграл в голове наиболее вероятный сценарий Федор. «Да черт с ним! Отвезу бедолагу при любом раскладе. Не бросать же его здесь под дождем», – и Савченко внутренне приготовился к разговору с несчастным клиентом. Тем временем «бедолага» открыл заднюю дверь салона и приказным тоном рявкнул: «Багажник открой!» Изумленный Федор нажал кнопку, после чего странный пассажир легко забросил огромные чемоданы в нутро багажника, с силой захлопнул крышку и по-хозяйски плюхнулся на заднее сиденье.

– Поехал! Чего встал? – недовольно рыкнул пассажир.

– Куда? – удивленно спросил Федор.

– «Искра» знаешь где?

В зеркало заднего вида Федор пригляделся к необычному клиенту и как-то сразу напрягся. Это был маленький взрослый мужчина лет сорока, короткие жидкие волосенки на маленькой голове, заостренные, вытянутые вперед черты лица, прищуренные цепкие холодные глаза, злое выражение лица. Он чем-то напоминал Федору злобного крысеныша из какого-то мультфильма. На всякий случай Савченко пощупал правый карман куртки, где лежал газовый баллончик, который когда-то в обязательном порядке заставил его купить Руслан.

– Слушай, друг, если ты про дом отдыха «Искру», то это семьдесят километров отсюда. По такой погоде будем плестись часа два – два с половиной. Кроме того, возле Ветрянки наверняка дорогу размыло. Там в это время года часто такое бывает. Хочешь, я устрою тебя в приличную гостиницу? У меня там администратор знакомая. А завтра я заеду и отвезу тебя в «Искру?» – спросил Федор.

Савченко очень хорошо знал этот небольшой дом отдыха. Он находился чуть дальше Зябликов – дачи тестя, где в первое лето знакомства с Ниной они провели свои самые счастливые дни и ночи. От Зябликов до «Искры» по основной трассе было семь километров. Тем летом они часто приезжали к «Искре», пролезали в дыру забора, чтобы поваляться у водоема на оборудованном немногочисленном пляже «Искры». Какое же это было счастливое время! Ехать туда сейчас, да еще в компании с Крысенышем, очень не хотелось.

– Я сказал – поехали! – не терпящим возражения голосом процедил сквозь зубы Крысеныш и что-то протянул Федору: – Здесь полторы штуки баксов. Довезешь, получишь еще пятихатку.

Это были деньги, которые Федор при хорошем раскладе мог заработать месяца за четыре. Он тут же, без лишних разговоров взял деньги, переключил коробку передач и тронулся в путь сквозь дождь и мрак октябрьской ночи.

– Радио не включай, со мной по всякой мелкой херне не болтай. Устал. Хочу отдохнуть, – твердо проговорил странный пассажир. Федор согласно кивнул головой и бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида.

– Ты не на меня глазей, мудило, а за дорогой следи, – тут же нервно рыкнул Крысеныш. Федор опять кивнул головой. Ехать приходилось очень медленно. Лужи скрывали множественные ямы и ухабы давно не отремонтированной дороги, дворники еле справлялись с потоком воды. Внимательно глядя вперед, Савченко почему-то сейчас с горькой усмешкой вспомнил тот первый день, когда, прибыв по месту распределения, он, волнуясь, ждал в приемной встречи с директором предприятия. Секретарша куда-то вышла, и Федор, воспользовавшись случаем, подскочил к зеркалу. Он в сотый раз внимательно окинул себя критическим взглядом, поправил съехавший ворот рубашки и топорщащийся непокорный волос. Вроде все в порядке, среднего роста, стройный, вполне прилично в соответствии с модой одет. Однако Савченко никогда

не был уверен в своей внешности. На четвертом курсе одна подружка, с которой у него был непродолжительный роман, сказала ему, что он похож на молодого Редфорда. Федор постеснялся спросить, кто это такой, но решил, что, видимо, это неплохо. Однако та же подружка через месяц заявила ему, что он «недоделанный придурок», когда Савченко, оказавшись в ее постели после вечеринки в общежитии, в момент приятной расслабленности неожиданно подскочил, глянул на часы и со словами «Все, время на развлечение вышло!» стремительно унесся готовиться к завтрашнему семинару по теплотехнике. На этом роман был завершен, что вызвало у Федора сначала искреннее недоумение, а потом, наоборот, некоторое облегчение, так как он абсолютно не представлял, что ему дальше полагалось делать со своей пассивностью. Но эта история оказалась полезной. Савченко понял, что он теперь не хуже других и у него теперь, как и у всех парней, тоже «все было». Осознав это, он успокоился насчет своей личной жизни и с удвоенным рвением погрузился в учебу, поскольку это было и понятнее, и интереснее, чем непредсказуемые и бессмысленные отношения с прекрасным полом. Тем более что истинной страстью Федора всегда было различное изобретательство и разнообразное усовершенствование.

Во время ремонта школы, глядя на работу циркулярной пилы, он придумал, как сделать так, чтобы завершающий спил был идеально ровным, а в эксплуатации пила служила дольше и безопаснее. Плотник, которому Федор попытался объяснить, что надо сделать с пилой, сначала послал его куда подальше, но, увидев чертеж Федора на листке, вырванном из тетрадки, задумчиво почесал затылок. Савченко тут же понесся в подвал к работающим там сварщикам и уговорил их за три рубля, выделенных матерью на питание, помочь ему в одном важнейшем деле. Два сварщика, плотник и Федор увлеченно провозились полтора часа, но в конце концов работа была выполнена. После испытательного прогона доски у работяг вырвался радостный возглас. Спил был идеальный, а работать стало намного проще, удобнее и безопаснее. Федор удовлетворенно кивнул головой, повернулся и, не сказав ни слова, пошел домой. Три взрослых мужика изумленно смотрели ему вслед. Потом плотник еще много раз показывал Федора своим друзьям, поражаясь простоте и оригинальности решения юного Кулибина. В институте перед новогодним вечером Савченко самостоятельно по учебникам сделал акустический расчет зала, после чего переделал и перепаял все музыкальное оборудование, добившись невероятной чистоты звучания голосовых колонок и инструментов. Весь новогодний вечер он просидел за сценой, с интересом наблюдая за работой оборудования, находя это гораздо более увлекательным, чем нелепое топтание в зале под музыку. Когда кто-то из музыкантов попытался в разгар вечера его публично поблагодарить и представить публике, раздосадованный Федор в панике сбежал из зала.

С детства он не любил публичности, а также споров или каких-либо выяснений отношений, считая это пустой и бессмысленной тратой времени. Поэтому обычно он внимательно молча выслушивал оппонентов, кивал головой, а потом все делал по-своему, так, как считал нужным. Он интуитивно чувствовал, что большинство людей относятся к нему как к какому-то чудику. Однако институтские приятели хоть и считали Федора белой вороной, но уважали его за пытливый ум, твердый характер и готовность всегда оказать практическую помощь. И все же близких друзей у Савченко никогда не было, так как он хронически не умел и не стремился близко сходить с людьми, предпочитая соблюдать дистанцию, никого не пуская в свой мир. Досуг он вполне комфортно проводил в компании научно-популярных журналов, книг или же в бассейне, куда предпочитал ходить в одиночестве. В плавании Савченко добился отличных результатов, но все же оно оставалось лишь полезной физкультурой и ничем более.

Директор Глуховецкого комбината 42/16 Павел Петрович Власенко встретил молодого специалиста настороженно-сдержанно: «Пару недель покрутится, а там подпишу перевод, и пусть катится в свою Москву. Лишь бы тут не мешал людям нормально работать». Экспериментальный телекоммуникационный сборочный комбинат 42/16, куда был распределен Федор,

являлся классическим советским «почтовым ящиком» без адреса и телефона в справочниках. Он финансировался Министерством обороны, хотя формально подчинялся НИИ «Спецтелестрой». По сути, комбинат 42/16 был экспериментально-производственной базой НИИ, занимающейся в основном выполнением заказов института в области усовершенствования узлов КРЛС – корабельных радиолокационных систем.

На практике в большинстве случаев все сводилось к различным ремонтным работам радиолокационного оборудования для флота, причем не всегда военного. Заказы были постоянно, что добавляло к приличным зарплатам сотрудников еще и солидные квартальные премии.

Несмотря на секретность предприятия, на комбинате 42/16 царила творческая, порой веселая и почти домашняя атмосфера. Небольшой коллектив поголовно состоял из людей, которые были не только увлечены наукой и обладали высоким уровнем академических знаний, но и блестяще умели работать руками. Деление на отделы и производственная субординация были весьма условными. Статус каждого работника определялся только его знаниями, умением нестандартно мыслить и оперативно решать поставленные задачи.

Федору была выделена комната в общежитии, которая его вполне устраивала, и с первых дней работы он вдруг почувствовал, что нашел то идеальное место для приложения своих сил и знаний, о котором где-то в глубине души всегда мечтал. С первых дней работы молодого специалиста Савченко сразу заинтересовал вопрос, который, казалось, лежал на поверхности, но при всей очевидности он почему-то никем не рассматривался. Практически во всем оборудовании, проходящем через комбинат, можно было улучшить электрические параметры приборов за счет оптимизации отдельных модулей, являющихся единым завершенным функциональным устройством. Правда, для этого требовалось принципиально изменить конструкции узлов сопряжения при стыковке модулей в общей схеме. По твердому мнению, Савченко, решение этой задачи могло бы обеспечить сокращение различных соединений, повысив тем самым надежность аппаратуры и упростив ее ремонтпригодность. Но самое главное заключалось в том, что разработка миниатюрных узлов и их размещение в одном корпусе позволили бы улучшить массогабаритные характеристики оборудования в целом. А это в разы повышало эффективность работы и увеличивало сроки эксплуатации приборов.

Коллеги с грустью посоветовали Федору выкинуть эти прекраснотушные глупости из головы и не тратить на них силы и время, так как планы научно-технической деятельности и бюджет НИИ «Спецтелестрой» сверстаны на пять лет вперед, и никто на подобные изыскания добро не даст. Однако идеи Федора, как прилипчивый вирус, быстро расплозились по комбинату, поработив умы его сотрудников.

Впервые в жизни Савченко не чувствовал себя белой вороной, точнее, белыми воронами тут были все. Здесь он по-настоящему ощутил себя своим среди своих. На работу Федор приходил всегда раньше всех, а уходил последним под нудное ворчание секретчика. Самыми тяжелыми днями были дни вынужденного безделья – суббота и воскресенье. В связи со строгой режимностью предприятия вход на территорию по выходным дням был категорически запрещен, и Федор не мог дожидаться понедельника, чтобы как можно быстрее оказаться на рабочем месте и попробовать воплотить в жизнь свою очередную «идейку». Незаметно пролетели две недели, затем месяц, но Федор не вспоминал о переводе в Москву, и его туда тоже никто не гнал.

Через три года он стал членом КПСС, а еще через два года, после выхода на пенсию главного инженера, Федор приказом директора был назначен на его место временно исполняющим обязанности. Впервые в истории комбината 42/16 главным инженером, пусть даже врио, стал человек в возрасте двадцати восьми лет. За время работы Федор до мельчайших деталей вник в специфику деятельности предприятия, изучив работу каждого производственного участка и используемого на нем оборудования. В маленьком коллективе все довольно быстро поняли,

что парень одержим лишь работой, а карьерный рост и «штабные игры» его не интересуют. Никто не сомневался, что когда наконец появится настоящий главный инженер и Федора вернут на прежнюю должность инженера контроля качества, то он, скорее всего, этого даже не заметит. Лишь бы быть в эпицентре технических задач предприятия.

Однако новая должность неожиданно раскрыла в Федоре талант, который до этого времени в нем бесцельно дремал. Несмотря на свою природную замкнутость, Федор вдруг оказался отличным управленцем и организатором. В течение трех месяцев без лишней говорильни на совещаниях ему удалось реструктурировать процесс взаимодействия с заказчиками и смежниками, спокойно игнорируя многочисленное возмущение и сопротивление сомневающихся коллег. Это позволило на треть сократить затраты и время выполнения работ по каждому заказу. Через какое-то время даже самые ярые противники были вынуждены признать его правоту. Однако постепенно многое в работе предприятия стало Федора тяготить. Любое новшество требовало выматывающих бюрократических согласований и длительных ожиданий прохождения бумаг по инстанциям. Кроме того, по мере вникания во все области работы предприятия Федора все больше начинала раздражать позиция НИИ «Спецтелестрой». С тем, что в НИИ оседала львиная часть денег за выполнение заказов, в тот момент еще можно было смириться. Но вот то, что НИИ являлся серьезным тормозом на всех этапах работы, начиная от составления заявки и до подписания актов выполненных работ, страшно раздражало. Федор мечтал о работе с заказчиками напрямую, когда любые вопросы могли бы решаться просто и оперативно, без «испорченного телефона» в лице НИИ. Но он отчетливо понимал, что для госпредприятия закрытого типа, работающего на оборонку, это нереально. У Федора все чаще стали появляться смелые фантазии о создании в будущем собственного бизнеса по техническому обслуживанию и ремонту корабельного радиолокационного оборудования. Да что там по обслуживанию! Мечты Савченко сначала опасливо, а затем все смелее и нахальнее понеслись куда-то в неизведанные дали. Предаваясь сладким мечтаниям, он все больше приходил к мысли, что «не боги горшки обжигают» и что не только обслуживание, но даже производство КРЛС – это вполне осуществимая задача.

Директор комбината 42/16 Павел Петрович Власенко испытывал к своему новому главному инженеру двойственные чувства. С одной стороны, он уважал и ценил его профессионализм, умение нестандартно мыслить, принимать ответственные решения, способность добиваться поставленных целей, но, с другой стороны, он внутренне испытывал определенную настороженность, полагая, что от человека в столь юном возрасте можно ждать любых сюрпризов. И он оказался прав, правда, сюрприз возник совсем не там, где ожидал его директор. В 1989 году Федор неожиданно для всех сделал предложение Нине, единственной дочери Павла Петровича, милой домашней девушке, оканчивающей московский педагогический институт, которая при любой возможности старалась приехать в Глуховецк к отцу. Поскольку Власенко овдовел уже много лет назад, то вся его любовь сосредоточилась на дочери. Как оказалось, молодые люди уже год умудрялись тщательно скрывать свои отношения. Первой реакцией на сообщение дочери о решении выйти замуж за Федора было бурное возмущение, но через какое-то время, как Нина и предполагала, отец остыл и благословил молодых.

Через полгода после свадьбы молодожены въехали в трехкомнатную квартиру в центре Глуховецка, которую им помог получить Павел Петрович. Кроме того, он подарил молодым свой довольно свежий автомобиль «Вольво»-универсал темно-бордового цвета. На тот момент Федору казалось, что это только начало какой-то новой счастливой жизни и все самое лучшее его еще ждет впереди.

Однако все начало трещать и шататься осенью 1991 года. В стране происходили глобальные перемены, изменилось даже название страны. Услуги комбината 42/16 неожиданно перестали быть востребованными, как ранее. Количество заказов резко снизилось. Даже НИИ «Спецтелестрой» неожиданно оказался забытым и никому не нужным. Его сотрудники стали

беспорядочно увольняться, уходя в торговлю или пытаясь организовывать что-то свое. Народ шушукался в курилках, обсуждая тревожные политические новости и слухи, но только не Федор. Савченко пребывал в твердом блаженном убеждении, что это все временные трудности и со временем все само собой наладится.

Окончательное крушение произошло в конце 1993 года. Даже минимальное финансирование стало поступать сначала с задержками, а потом вообще прекратилось. Павел Петрович, как на работу, регулярно мотался в Москву, подробно объяснял в различных инстанциях важность работы комбината 42/16, показывал свои государственные награды и обещал, что «еще даст стране угля». Его грустно слушали, кивали головами, обещали чем-нибудь обязательно помочь, но после ухода облегченно вздыхали и тут же забывали о его существовании. Было уже не до него. Все были заняты собственным выживанием в новых экономических условиях.

Примерно на половине пути до «Искры» Федора словно пробilo током. Из драматических воспоминаний его выдернуло тревожное предчувствие. Он глянул на датчик топлива и сокрушенно охнул.

– Блин! Бензина же не хватит на обратный путь! И как же это я так лоханулся! – пробормотал себе под нос Федор.

Единственная заправка по пути была уже второй месяц закрыта по техническим причинам. Однако тут же пришла успокоительная мысль. В Зябликах в дачном гараже стояла заначка – две канистры девяносто пятого бензина. Слава богу, в августе, когда в районе были перебои с топливом, хватило ума немного запастись. Федор облегченно вздохнул: «Быстро заскочим в гараж, зальемся и погоним дальше, главное, чтобы дорогу возле Ветрянки не размыло».

Пассажир мирно спал, иногда чуть похрапывая во сне, и Федор опять предался грустным воспоминаниям. Он вспомнил, как в декабре 1993 года, за неделю до Нового года, Павел Петрович приехал усталый из очередной поездки в министерство, лег немного поспать и тихо умер. Через два месяца предприятие было официально ликвидировано, двери заварены и опечатаны. Федор был в числе тех, кто последним сошел с «тонущего корабля». Он чувствовал себя раздавленным и преданным. Две недели Савченко провалился на диване, предаваясь самым мрачным размышлениям. Но надо было на что-то жить, и он решил временно устроиться таксистом со своим автомобилем на местное кооперативное предприятие, которое организовал достаточно молодой предприимчивый парень Руслан. Благодаря ответственному подходу к работе, приятной внешности и вежливому, доброжелательному отношению к клиентам Савченко быстро стал ценным работником кооператива, и от Руслана ему часто перепали наиболее денежные заказы. Коллеги поначалу настороженно отнеслись к появлению новичка, но довольно быстро смягчились и приняли его в свою компанию. Он не пытался перехватывать чужих клиентов, соблюдал все внутренние договоренности и всегда был готов оказать любому техническую помощь. Нина устроилась по протекции бывших друзей отца на местный хладокомбинат секретарем-референтом директора. Работа не вызвала у нее особых восторгов, но была не очень обременительной, оставляла много свободного времени, а также давала возможность приобретать различные деликатесы предприятия за полцены. Жизнь постепенно стала налаживаться. Однако Федора никак не отпускала засевшая где-то глубоко в мозгу сладостная и одновременно тревожная мысль о создании собственного предприятия. Возможно, когда в стране все немного успокоится и стабилизируется, можно будет обдумать вопрос о получении кредита или найти инвесторов. В общем, там будет видно. А пока надо, стиснув зубы, решить более простые, но жизненно важные вопросы. Накопить денег на ремонт квартиры, купить новый холодильник, телевизор с плоским экраном, новые сапоги жене. И он упорно работал над этими скромными приземленными задачами, вкалывая по десять – двенадцать часов в сутки.

В конце сентября 1994 года жизнь нанесла Федору очередной сокрушительный удар. От него ушла Нина. Его тихая милая жена променяла его на Виталика, бывшего главного бухгал-

тера комбината 42/16, а ныне финансового директора хладокомбината, на котором работала Нина, высокого красавца и кандидата в мастера спорта по боксу. До появления Нины в своей жизни Федор даже не догадывался, до какой степени он одинок, но, когда жена ушла, тоска словно испепелила его душу. Жизнь вдруг словно утратила вкус и цвет, став пресной и серой. Савченко остро ощутил себя самым несчастным и одиноким человеком на земле.

– Он живой, деятельный, веселый! С ним я чувствую себя любимой женщиной, а не соседкой по квартире. С тобой я задыхаюсь от однообразия и тоски. Дома тебя никогда нет, а денег все равно зарабатываешь крохи. Ты как-то неожиданно быстро скис. Как верно подметил Виталик, ты не способен держать удар и встать после падения. А женщины любят победителей, Федя! Жить мы пока будем у Виталика, дележ черепков, думаю, оставим с тобой на потом. Прости, если сможешь – прозвучали роковые слова Нины при прощальном разговоре.

Федор в отчаянии пытался запальчиво ей что-то объяснить, но Нина грустно покачала головой: «Федя, все кончено!»

Прошло две недели, но Федор так и не смог оправиться от душевной раны. Он на автомате продолжал работать, с кем-то общаться, иногда даже шутить, но в голове не переставая крутился последний мучительный разговор с женой. Савченко представлял, как он случайно встретится с ней на улице, как у них произойдет какой-то очень важный разговор, и жена вдруг поймет, какую непростительную ошибку она допустила. Иногда в этих мысленных болезненных разговорах с женой он был холоден и ироничен, а иногда, наоборот, душевным и грустным, но в итоге Нина всегда признавала свою ошибку и предлагала начать все сначала. Дальше фантазии Федора начинали буксовать, не находя однозначно правильного финала этой истории.

Глава 2

Подъехав к гаражу дачи, Федор выскочил под дождь, распахнул ворота, зажег свет и мягко заехал в гараж задом. Чтобы не будить пассажира, он тихонько, не хлопая дверью, выскользнул из машины, также тихо прошел в конец гаража, взял канистру, повернулся и вздрогнул. Крысеныш стоял рядом с машиной без признаков сна. В руке он держал пистолет, дуло которого было направлено в живот Федора. Федор замер в полном замешательстве. Крысеныш приложил палец к губам, чтобы Федор молчал, а затем кивком головы велел прижаться к стене гаража.

– Не шевелись и не выпускай канистру из правой руки! Отпустишь – стреляю! – тихо прошипел маленький человек. Затем он мягко, словно кошка, подскочил к воротам и быстро огляделся.

– Где мы и что тут делаем?

– Мы на даче, заехали за бензином. На обратную дорогу не хватит, а заправка закрыта.

– Кто тут еще? И кто тебе приказал меня сюда привезти?

– Тут никого нет, осень, уже холодно, и никто мне ничего не приказывал, – не своим голосом ответил совершенно обалдевший от такого поворота событий Федор.

– Удобно, – с кривой ухмылкой проговорил Крысеныш. – Попробуй ответить еще раз, но прежде хорошо подумай. Если я опять услышу, то же самое блеяние, я всажу тебе пулю в брюхо. Умирать будешь долго и больно. Ты все понял? – ледяным и спокойным голосом проговорил Крысеныш. Федор, дрожа всем телом, кивнул головой.

– Молодец. Я тебя слушаю, – криво ухмыляясь, проговорил Крысеныш.

Федор понял, что этот сумасшедший гном не шутит и не пытается его просто запугать. Сейчас он привычно нажмет на курок, и адская боль разорвет живот в клочья. Ужас сковал Федора, словно льдом. Он как будто одеревенел и прирос к полу. Особенно его впечатлило то, что пистолет, направленный на него, был Макарова. Федор хорошо знал это оружие, так как во время военной подготовки в институте он показал самые худшие результаты по стрельбе из этого проклятого пистолета. А еще он хорошо запомнил эффект от выстрела. С 15 метров пуля, всаженная в 50-миллиметровую доску, вырвала с обратной стороны здоровую дыру величиной со сливу. Расстояние между Федором и Крысенышем было метра четыре, и Федору было даже страшно подумать, что же с ним сотворит выпущенная с такого расстояния пуля.

– Подожди, не стреляй! Что случилось?! Я сделаю все, что скажешь. Тут нет никого. Я просто хотел заправиться и... не хотел тебя будить, – осипшим от страха голосом проговорил Федор. Неожиданно он почувствовал, что в носу защипало, губы непроизвольно затряслись, а самое противное было то, что по ноге неконтролируемо потекла горячая струя, образуя возле ног постыдную лужу. Крысеныш, прищурившись, с гадливой улыбкой внимательно оглядел сверху донизу перепуганного Федора и брезгливо фыркнул.

– Похоже, такого сыкуна действительно никто не подтянет на серьезное дело. Так что мне с тобой делать? – задумчиво проговорил Крысеныш.

Федор плохо соображал, о чем говорит ему этот маленький злобный человек. Чувство стыда, унижения и дикого, животного страха раздавило в нем все, что составляло сущность его натуры. В этот миг все беды последних недель показались ему мелкими бытовыми неприятностями. Они меркли перед смертельной простотой, исходящей из направленного в живот дула макарова.

«Неужели можно вот так запросто умереть? У меня же еще столько планов, столько идей! Неужели сейчас раздастся грохот выстрела и меня не станет?» – пронеслось в голове Савченко. Пытаясь разгадать свою участь, он взглянул в лицо Крысеныша. Пустые, холодные, как у дох-

лой рыбы, глаза, губы кривятся в глумливой ухмылке от своего превосходства над перепуганной жертвой. Ситуация явно доставляла ему какое-то садистское удовольствие.

– Сколько ехать до «Искры»? – прозвучал спокойный равнодушный голос.

– Семь километров. Отсюда метров пятьсот вправо по грунтовке, а там дорога, дальше по прямой до бетонной стелы с указателем «Искра», – торопливо, с надеждой в голосе пролепетал Федор.

– Выходит, ты мне уже особо и не нужен? С другой стороны, оставлять тебя в жи... – задумчиво произнес Крысеныш, но вдруг осекся, осознав, что думает вслух, а это явно было лишним.

Федор очень хорошо понял, что не договорил этот маленький злобный карлик и какое решение он уже принял на его счет.

– Но без меня ты даже не сможешь завести машину, там две секретки установлено! – дрожащим голосом залепетал Федор.

– А ты мне их покажешь, правда? – ухмыльнулся Крысеныш.

Федор обреченно кивнул головой и осторожно поставил канистру на пол гаража, вопросительно взглянув на злодея. Тот кивнул головой в сторону машины и коротко рявкнул:

– Показывай!

«...Ты не способен держать удар и подниматься после падения», – вспомнились до боли обидные слова Нины.

Неожиданно на Федора накатило ледяное спокойствие. Он украдкой бросил быстрый взгляд по сторонам. Мозг заработал холодно и отстраненно, словно решая очередную производственную задачу.

«Слева от водительской дверцы машины стоит небольшой верстак, на котором лежат различные инструменты. Среди них тяжелый разводной ключ с достаточно длинной ручкой. Расстояние от дверцы машины до верстака – метра полтора. Если попробовать заставить Крысеныша подойти к дверце машины и отвлечь внимание от левой руки, то, не меняя положения тела, вполне возможно дотянуться до разводного ключа. Этот гаденыш не знает, что я левша от рождения. Это мое преимущество. Взять тихо с верстака ключ, взмахнуть и нанести удар – это секунда или две. Вопрос только в том, куда в этот момент будет направлено дуло пистолета и удастся ли бесшумно взять разводной ключ? Нельзя выходить из первоначального образа. Мой страх веселит и успокаивает этого уroda. Это и нужно, чтобы подвести его ближе к дверце машины», – спокойно рассудил Савченко.

Федору вспомнилась статья о Тамерлане в журнале «Вокруг свет», прочитанная еще в десятом классе. Лукавый полководец на трудных переговорах начинал монотонно и невнятно что-то бубнить себе под нос, погружая другую сторону в неглубокий транс и уводя разговор от обсуждаемого вопроса.

Савченко, опустив голову, медленно подошел к машине, всем своим видом демонстрируя страх и безоговорочную покорность. Тяжело вздохнув, он начал монотонно и негромко, словно плохой лектор, объяснять, где находятся секретки и как их отключить, тыча правой рукой в места установки разъемников.

– Ты что там булькаешь? Говори громче и понятнее! – рявкнул маленький злодей, сделав пару шагов к машине.

Федор испуганно вздрогнул, закивал головой и начал снова свое витиеватое объяснение. Крысеныш раздраженно подошел ближе, дуло пистолета отклонилось в сторону от Федора. Невнятный монотонный бубнеж и неподдельный страх собеседника несколько притупили бдительность злодея. Он, нахмурившись, перевел взгляд в том направлении, куда указывала правая дрожащая рука Савченко. Федор понял, что этот момент – его единственный шанс выжить. Его левая рука незаметно потянулась к разводному ключу. Он чуть громче начал тараторить

про то, что уже давно надо было по-хорошему заменить свечи зажигания и воздушный фильтр, а так при запуске двигатель начинает немного троить и временами глохнет, поэтому надо...

В тот момент, когда Крысеныш вдруг звериным чутьем почувствовал, что происходит что-то неладное, тяжелая железяка, стремительно описав дугу, с силой обрушилась на его плешивую голову. Раздался отвратительный негромкий хруст кости черепа. Не издав ни звука, Крысеныш с вытаращенными глазами и окровавленной головой начал сползать на пол, откинувшись на дверцу машины. Он что-то беззвучно забормотал, конвульсивно пытаясь направить макаров на Федора. Тот, недолго думая, вырвал оружие из слабеющих маленьких рук и направил пистолет на поверженного противника. Федора трясло, он не очень понимал, что делать дальше. Первая мысль была о скорой помощи и милиции. Но от нервного напряжения и бушующего адреналина палец на спусковом крючке дернулся, и в гараже раздался грохот выстрела. В маленьком помещении гаража Федору показалось, что взорвалась бомба. Уши заложило, в нос ударил специфический запах пороха.

Пуля угодила Крысенышу в лоб, разворотив затылок, скрикошетила о пол и ушла в темноту ночи через открытые ворота гаража. Пол, стены и дверца машины покрылись брызгами крови и белесыми ошметками мозга. Под убитым медленно расползалась страшная темная лужа крови. Федор в состоянии полной прострации осел рядом с трупом.

Еще несколько минут назад он чувствовал себя везунчиком, которому подфартило зацепить щедрого, хоть и немного безумного клиента, но за несколько минут он превратился в убийцу, сидящего рядом с трупом в луже собственной мочи и чужой крови.

«Ты ошибаешься, Нина! Я умею держать удар, и подняться после падения я тоже смогу!» – не к месту подумал Федор и горестно ухмыльнулся, покосившись на лежащий рядом маленький окровавленный труп.

Глава 3

Федор посмотрел на часы. Час тридцать ночи. Прислушался. Вокруг по-прежнему было тихо, словно ничего и не произошло. Возможно, что грохот выстрела прозвучал взрывом бомбы только в его ушах, а за пределами гаража он был не громче, чем раскаты грома, которые периодически звучали в этот вечер. Осознав это, Федор начал рассуждать более рационально. Вряд ли кто-нибудь в такую непогоду видел его машину и вообще заметил его присутствие в Зябликах. В октябре здесь уже никто не живет. В милицию обращаться нельзя. Вразумительно объяснить эту чудовищную историю будет крайне сложно, и менты уж точно в нее не поверят. Но больше Федора занимал вопрос, что вдруг нашло на Крысеныша и почему он так вдруг завелся. В любом случае самым разумным остается одно – избавиться от тела и жить дальше, как будто ничего не произошло. Никто не видел, как он подобрал пассажира, никто не знает, где он был и куда поехал после прихода ночного поезда. Быстро перебрав в голове все варианты, Федор пришел к единственному выводу. Самый простой и надежный способ избавиться от тела – это утопить его в старом пруду, который плескался в двухстах метрах от дачи. Однако если тело просто утопить, то через какое-то время оно всплывет. От мысли, что предстоит сделать, чтобы тело не всплыло, Федор почувствовал тошноту и, вскочив, выбежал из гаража, где его тут же вырвало. Но другой, более толковой идеи в его воспаленном мозгу не было. Еще с института у Савченко выработалась привычка любую, самую сложную проблему мысленно разбивать на несколько элементов, и тогда проблема превращается в некий перечень вполне выполнимых задач, под решение которых уже можно выстраивать последовательность действий и планировать время. Федор закрыл глаза и глубоко несколько раз вздохнул, мысленно представив каждый этап предстоящей операции. Приведя таким образом мысли в относительный порядок и немного успокоившись, он засек время, подошел к машине, открыл багажник и вынул два тяжелых чемодана, каждый из которых весил килограммов тридцать. От их содержимого предстояло срочно избавиться, так как сами чемоданы понадобятся для... Федор почувствовал, что от мысли, для чего понадобятся чемоданы, к горлу опять подступила тошнота. Стараясь не думать о предстоящем, он прошел к домику, нашел старую, стоящую возле крыльца строительную тачку и прикатил ее в гараж.

Взглянув в очередной раз на часы, он подошел к чемоданам. Как он и предполагал, они были закрыты на кодовые замки. Вздохнув, Федор взял с верстака здоровый рашпиль и с его помощью не без труда вскрыл первый чемодан. От увиденного он остолбенел с выпученными глазами. Чемодан был доверху наполнен аккуратно уложенными пачками столетних купюр.

– Можно будет купить Нине новые сапоги и турецкую дубленку, о которых она мечтала, а также телевизор с плоским экраном, новый холодильник, вставить дорожные пластиковые окна в квартире, как у соседа, и заказать фирменные задние амортизаторы для машины, – задумчиво рассудил Савченко, глядя на доллары. – Да о чем это я! На эти деньги же можно...

Мечта о создании собственного предприятия впервые стала приобретать явные и конкретные очертания. Сердце учащенно забилось, капля пота скатилась по лбу и попала в глаз. Федор отер лицо рукой и, словно очнувшись, тряхнул головой. В следующий миг его накрыли тревожные соображения совсем другого характера.

«Вот почему Крысеныш оказался таким дерганым! Видимо, он решил, что я хочу его ограбить», – рассудил Федор. И тут же, как аварийная сигнализация, замелькала и завизжала в голове другая догадка: «Это же явно бандитские деньги. Их будут искать, и если меня найдут, то...» Дальше додумывать не хотелось. Он закрыл глаза, обхватил голову руками и замер минут на пять, судорожно перебирая варианты спасения. В итоге все сводилось к одному. Побег! Но сначала надо избавиться от тела. Федор вывалил на бетонный пол, деньги из чемодана и

на несколько секунд уставился на лежащее в луже крови тело маленького человека. Затем, зажмурившись, он обхватил тело Крысеныша, показавшееся невероятно тяжелым, и подволок его к чемодану. Стараясь не смотреть на него, Савченко втиснул тело в нутро чемодана. На минуту Федор выпрямился и, отвернувшись, сделал несколько глубоких вдохов, чувствуя, что вот-вот может потерять сознание. Он вновь согнулся над телом и стал запихивать его в чемодан так, чтобы тот можно было закрыть. Наконец, маленький человек, согнутый пополам, с жутко вывернутой окровавленной головой и подтянутыми к подбородку коленями разместился в своем последнем пристанище. Федор опустил крышку чемодана, но она не закрылась, так как мешали не до конца согнутые ноги покойника. Савченко, чертыхаясь, начал с усилием подгибать их, пока наконец злополучная крышка не закрылась. Дрожа всем телом, он обшарил взглядом гараж и наконец нашел то, что искал. На одной из стен на крюке висел небольшой моток стальной проволоки. Ею Федор несколько раз на всякий случай обмотал злополучный чемодан и обессиленно опустился на пол рядом с ним. Тяжело дыша, он посмотрел на свои дрожащие руки. Они были перепачканы чем-то липким. Федор не сразу сообразил, что это кровь, но, когда до него дошло, он стремительно вскочил и бросился вон из гаража, где его опять мучительно вырвало. После этого он подошел к жестяной бочке, куда стекала с крыши дождевая вода, и обмыл руки и лицо. Холодный дождь и осенний ветер остудили его пылающую голову, и, немного придя в себя, Савченко вернулся в страшное чрево гаража. Постояв в раздумьях перед измазанным кровью чемоданом, он наконец, напрягшись, с трудом поднял его и водрузил на строительную трехколесную тачку. Во втором чемодане оказалось то же самое, что и в первом. Его содержимое Савченко также высыпал в общую долларовую кучу, после чего, выйдя из гаража, внимательно огляделся в темноте по сторонам и на всякий случай прислушался. Затем, засунув за пояс рашпиль, он водрузил сверху на тачку второй чемодан и, напрягшись из последних сил, медленно покатил ее к заброшенному пруду, стараясь не глядеть на то, что везет перед собой. Вокруг по-прежнему было тихо. Дождь почти стих, но из-за ветра и мелкой мороси одежда Федора быстро насквозь промокла и осложняла движение. С трудом докатив тачку и выгрузив ее содержимое на землю, Федор нашел взглядом в темноте очертания двух старых рассохшихся лодок, сиротливо лежащих на берегу. Когда-то давно на них рыбачили мужики из дачного кооператива, но, когда пруд пришел в негодность, о них все забыли. Несмотря на темень и морось, было видно, что как минимум одно весло все же высывалось из лодки. Вытащив из-за пояса тяжелый рашпиль, Федор пробил им несколько дыр в чемоданах, затем стащил на воду одну из лодок и с трудом загрузил в нее чемоданы. Старая лодка тут же дала течь, предательски наполняясь водой, но, невзирая на это, Федор быстро залез в нее и начал медленно выгребать на середину пруда, действуя одним веслом, как на каноэ. В голове назойливо вертелся один вопрос: «А возможно ли было с Крысенышем как-то договориться?» Но как Федор ни пытался представить себе самую ухищренную сцену переговоров с маленьким злодеем, мирный исход событий у него почему-то не вырисовывался. Все говорило за то, что Крысеныш в любом случае его убил бы.

Наконец поняв, что он уже достаточно далеко от берега, Савченко огляделся по сторонам и с тихим всплеском спустил в воду два страшных чемодана. Недолго побулькав, они плавно ушли на дно пруда. Через двадцать минут Федор вытянул лодку на берег и, отдышавшись, глянул на часы. Скинув всю одежду, он плюхнулся в ледяной пруд. Словно не ощущая холода, Федор тщательно обмылся, обтерся частично влажной одеждой и, кинув мокрый ком в тачку, голым энергично покатил ее к гаражу. Там быстро натянув старую пыльную робу, висевшую на гвозде, он вытащил на улицу какой-то бачок с засохшей краской, кинул в него свою одежду, тщательно облил ее всевозможными горючими жидкостями, каких в избытке было в гараже, и поджег содержимое. Пока его одежда горела, он тщательно осмотрелся и замыл все следы крови на полу, стенах и на боку машины, прекрасно понимая, что от серьезной экспертизы эти меры не спасут, но при обычном осмотре вполне скроют следы преступления. Доллары

были упакованы в семь мешком из-под картошки, а затем спущены в подпол старого сарая, где когда-то тесть хранил запчасти от первой в своей жизни машины. Теперь в сарае был только садоводческий инструмент, и никто, кроме Федора, не знал о наличии подземного тайника в нем. На всякий случай он закидал люк грязными пустыми мешками, досками, лопатами и тляками. Одежда в баке уже догорела, и теперь с невыносимой вонью прогорала засохшая краска на стенках бачка. Федор оттащил бачок с догорающей краской к кустам, в очередной раз прислушался и, привыкая глазами к темноте, огляделся по сторонам. По-прежнему было тихо и спокойно. Внимательно осматривая место преступления, Федор заметил пятно, еще не высохшее после уборки. На всякий случай он аккуратно залил его отработанным машинным маслом. Пистолет, запасную обойму и содержимое карманов Крысеныша Савченко, не разглядывая, сунул в какой-то грязный пластиковый пакет и закинул в багажник машины под запаску. Не поленившись, он еще раз прошел к пруду и тщательно, насколько было возможно, в предрасветной серости огляделся по сторонам. Вроде бы ничего не упустил.

Глава 4

Дом отдыха «Искра» переживал тяжелые времена. Здание нуждалось в капитальном ремонте, и три четверти номеров были закрыты из-за непригодности к проживанию. Былого наплыва отдыхающих по профсоюзным путевкам горно-строительного комбината уже давно не было, и в настоящий момент решался вопрос о закрытии заведения на неопределенное время. Ну а пока вопрос повис в воздухе, «Искра» стала чем-то вроде перевалочного пункта для вахтовиков, работающих на карьере, которые останавливались здесь на два-три дня до того момента, пока в селе Валентиновка заканчивалась смена их предшественников и наконец освобождались места в общежитиях. Деньги, поступавшие от этой мелкой коммерческой возни, не могли спасти «Искру» от краха, но они хотя бы обеспечивали минимальную зарплату для небольшого штата оставшегося персонала.

Сумасшедший дождь, ливший как из ведра чуть ли не до ночи, наконец стих, превратившись в мелкую морось. Порывы ветра обрывали последнюю листву с деревьев, делая общую картину умирания заведения еще более тоскливой и неприглядной.

На первом этаже левого крыла здания в дешевом номере на жестком неудобном диване, накинув на плечи грубый плед, сидела миловидная невысокая девушка в черной водолазке и джинсах. В ее дрожащих руках была уже четвертая за час чашка растворимого кофе. Периодически девушка выключала свет, подходила к окну и, нервно кусая ногти, подолгу всматривалась в темноту перед зданием. Затем она включала свет и опять садилась на диван. Несколько раз она брала в дрожащие руки какой-то замусоленный глянцевый журнал, пытаясь отвлечься чтением от беспокойных мыслей, но через несколько минут, осознав, что не понимает смысла того, что читает, откидывала журнал в сторону. Дорогу, ведущую к центральному входу, на расстоянии сорока метров от здания пересекала длинная траншея шириной в полтора метра. Когда, кем и зачем она была вырыта, уже никто не помнил. Но, несмотря на неудобства, со временем к траншее все как-то привыкли, и засыпать ее никто не спешил. Подъехать на машине вплотную к зданию было невозможно, и если кто-то из числа редких отдыхающих или работников «Искры» приезжал на машине, то был вынужден оставлять транспорт перед злополучной траншеей и идти к зданию пешком, пересекая канаву по наспех сколоченному, но достаточно крепкому мостику из струганой пятидесятой доски. Из-за аномального ливня за день траншея оказалась доверху наполнена грязно-коричневой густой жижей, по которой медленно плавали ветки деревьев, казавшиеся в темноте живыми существами.

Даже с поправкой на неблизкий путь, плохую дорогу и непогоду тот, кого ждала девушка, должен был приехать как минимум уже час назад. Что-то явно пошло не так. Она поежилась, пытаясь не думать о последствиях того, что может произойти, если он так и не приедет до утра. Ведь в шесть тридцать заявится Пиджак, который привезет новые документы для нее и ее друга, и они втроем должны были отправиться в новую богатую счастливую жизнь. Пиджак должен был получить свою долю от того совместного дела, что сейчас завершал ее друг. И хотя она видела Пиджака раньше только один раз, но и этого было достаточно, чтобы понять, что с этим человеком лучше не шутить.

С правой стороны от центрального входа в дом отдыха между зданием и траншеей когда-то давно, еще во времена строительства «Искры», была установлена небольшая бетонная трансформаторная будка. Она уже давно утратила свое первоначальное функциональное назначение, но по-прежнему оставалась на своем месте как некий памятник далекой эпохи. В будке у маленького темного вентиляционного зарешетчатого окна неподвижно сидел парень лет тридцати пяти, одетый в дешевую неприметную теплую куртку болотного цвета и просторные брезентовые брюки со множеством карманов. На ногах были массивные дорогие черные итальянские ботинки армейского типа из мягкой натуральной кожи. На ничем не примечательном

небритом лице выделялся только узкий белесый шрам, рассекающий левую бровь, – память о подавлении бунта в сухумской тюрьме в 1987 году. Периодически он быстро тер глаза, а затем опять неподвижно замирал у окошка, неотрывно наблюдая за дорогой и входом в здание. Иногда он надевал на голову армейский прибор ночного видения и внимательно оглядывал территорию вокруг центрального входа в здание и лесопарк. Рядом у правой руки лежало его любимое оружие – снайперская винтовка «Винторез», разработанная для подразделений специального назначения и предназначенная для работы в условиях городской среды. Дальность прицельной стрельбы была не самой выдающейся – 150–200 метров, однако и этого было вполне достаточно для тех задач, которые периодически приходилось решать ее обладателю. Больше всего хозяин винтовки ценил в ней малый вес – всего 2,7 кг – и малые габариты – 900 мм. При необходимости винтовка легко и быстро разбиралась на три части, что позволяло ее без проблем уместить в обычный дипломат или небольшую сумку. Так же легко и быстро, в течение одной минуты, оружие приводилось в боевую готовность. Молодой человек нежно погладил винтовку, в очередной раз быстро посмотрел на часы и, не отводя взгляда от окна, на ощупь нашел в лежащем рядом рюкзаке небольшой термос. Вылив в крышку остатки кофе и продолжая наблюдение, он не спеша выпил крепкий обжигающий напиток, затем бросил короткий взгляд на часы и, потянувшись до хруста в суставах, встал с ящика, на котором почти неподвижно просидел всю ночь. Продолжая поглядывать в вентиляционное окно, он разобрал винтовку и бережно уложил ее в рюкзак. Туда же были аккуратно уложены остальные вещи. После чего, осветив фонариком место своего бессонного ночлега, он внимательно осмотрелся и тихо выскользнул из убежища, тщательно прикрыв за собой ржавую дверь и повесив на место старый амбарный замок. Замерев на несколько секунд, он внимательно прислушался, огляделся по сторонам и, надев на голову капюшон куртки, бесшумно растворился среди зарослей колючего облетевшего кустарника, по привычке ступая так, чтобы не оставлять явных свежих следов. Через пять минут он подошел к грязному внедорожнику, стоящему среди ельника на обочине пустынной грунтовки с включенным двигателем. За рулем машины сидел лысеющий мужчина лет пятидесяти. Увидев молодого человека, он зевнул и молча махнул головой, приглашая того в машину. Когда парень разместился на пассажирском сиденье, машина не спеша тронулась с места.

– Порожняк! Слоп так и не появился, – проговорил глухим голосом парень со шрамом. – Может, стоило попробовать девчонку основательно тряхануть?

– Вот что, Валера, мы сделаем. Сейчас едем в район Крыжов, через двадцать минут я из таксофона звоню нашей девчонке, и только потом мы решим, что делать дальше.

– Как скажете, Игорь Николаевич, а я пока немного вздремну, – Валера поудобнее устроился на пассажирском кресле, натянул на глаза капюшон куртки, и тут же уснул. Через двадцать минут машина остановилась на пустынной улице возле старой телефонной будки с разбитыми стеклами. Игорь Николаевич, не глуша двигатель, вылез из машины и, старательно обходя грязные глубокие лужи, прошел к телефонному аппарату.

Девушка стояла у окна номера и уже больше часа всматривалась в утренний полумрак. Она уже давно поняла, что с ее другом что-то случилось, но не могла себя заставить отойти от окна. Ей казалось, что вот-вот на дороге, ведущей к центральному входу, наконец появится маленькая знакомая мужская фигура. Через двадцать минут тут будет Пиджак и что она ему скажет? Не решит ли он, что они задумали его нагреть?

Неожиданно, как тревожный сигнал сирены, в номере раздался телефонный звонок. Девушка стремительно бросилась к старому громоздкому телефонному аппарату, стоящему на кривоногом журнальном столике, и с надеждой схватила трубку.

– Алло! Олежа? Что случилось, ты где? – почти прокричала девушка. В трубке на несколько секунд повисла тишина, затем раздался спокойный ровный голос:

– Значит, он так и не появился?

– Кто вы? – воскликнула девушка.

– Ты знаешь, кто я. Нам надо встретиться и переговорить. Через час будь на главной трассе рядом с указателем «Искры».

Девушка утвердительно закивала головой, а затем не выдержала и громко зарыдала, переходя на протяжный вой.

– Так, Вера, прекрати рыдания и слушай меня. Я думаю, что Олега могли элементарно задержать менты и, возможно, сейчас он парится где-нибудь в местном отделении. В этом случае я смогу его вытащить, а значит, наш план просто немного усложняется и сдвигается во времени. Тебе все понятно? Кончай распускать нюни и соберись. Нам надо встретиться и согласовать дальнейшие действия. Сгребай свои вещи, и через час я жду тебя там, где мы договорились. Не переживай, все будет хорошо. Пока нет повода для паники.

– Да-да... Конечно, я буду через час, – затараторила Вера. Спокойный и уверенный голос Пиджака зародил в ней надежду.

Через полтора часа Игорь Николаевич, кое-как успокоив девушку и убедив ее пока ехать домой, открыл дверцу машины, плюхнулся на водительское кресло, помолчал несколько секунд, затем кратко изложил напарнику свой разговор с Верой.

Валера, глядя вперед через лобовое стекло, задумчиво произнес:

– Может, все-таки стоило ее вальнуть?

– А смысл? – хмыкнул его старший товарищ. – Нам сейчас совершенно не нужен лишний риск и шум. Тем более что городок маленький, если что случайно всплывет, слухи здесь распространяются, как огонь в сухом лесу. Какой-нибудь местный опер, маясь от безделья, вцепится в эту историю, как в дело всей своей жизни. Потом запаришься тушить этот пожар. А оно нам надо? Пусть пока едет домой. Тем более мы не знаем, что происходит. А кроме того, я ей верю, она действительно в панике из-за пропажи своего гребаного воздыхателя. Вот же Слон, тварь... Однако нам для окончательного душевного спокойствия надо кое-что еще проверить. Поэтому мы сейчас вернемся в этот долбаный дом отдыха, и, пока там еще не сделали приборку в номерах, я на всякий случай внимательно осмотрю хоромы нашей Веруни. Всего предусмотреть невозможно, и, если вдруг Слон был в ее номере, и они что-то затеяли самостоятельно, я найду следы его пребывания. Следы остаются всегда, – задумчиво усмехнулся Игорь Николаевич.

Через полчаса он уверенным шагом вошел в вестибюль дома отдыха «Искра». Пожилой вахтер, сидящий за стойкой, оторвался от детективного романа в мягкой пестрой суперобложке и, глядя поверх очков, строго спросил:

– Товарищ, вы к кому?

Товарищ не спеша подошел и представился: Игорь Николаевич Астахов, майор московского управления ФСБ, после чего сунул под нос вахтеру служебное удостоверение. Вахтер внимательно прочитал его, беззвучно шевеля губами, и удивленно выпрямился, его лицо приобрело молодцеватый бодрый вид.

– Вы к нам в частном порядке или по служебной надобности? – оживившись, спросил вахтер.

– По служебной. Подскажите, а в семнадцатом номере кто-то живет?

– Нет, там никого нет. Последней была молодая женщина, но она только- только съехала. А что, она что-то?..

– Нет, обычная рутинная проверка. Я могу осмотреть ее номер?

Вахтер бодро подскочил и, схватив ключи, махнул Астахову головой, приглашая следовать за ним. Еще через полчаса, прощаясь с вахтером, Астахов строгим приказным тоном проговорил:

– Вот о чем я вас, Иван Александрович, должен предупредить. Во-первых, о нашей встрече никому ни слова, а во-вторых, если вдруг кто-то будет интересоваться этой особой,

постарайтесь по возможности установить его личность и сразу об этом доложите мне вот по этому телефону, – и он протянул вахтеру листок с московским телефонным номером. Казалось, что вытянувшийся во фрунт вахтер вот-вот отдаст честь. Он многозначительно кивнул головой и проникновенно проговорил:

– Так точно, Игорь Николаевич. Не сомневайтесь. Я все понимаю, я же в прошлом тоже человек военный. Можете на меня рассчитывать и вообще, если что надо, обращайтесь, я всегда готов помочь тем, кто стоит на страже нашей Родины. Особенно в такие трудные времена.

Астахов в ответ тоже многозначительно кивнул головой и, пожав на прощание Ивану Александровичу руку, быстро вышел из душного помещения на свежий воздух.

Глава 5

В половине седьмого Федор переступил порог пустой квартиры. Первым делом он дозволился до своего еще сонного начальника Руслана и хриплым голосом, еле ворочая языком, пробормотал: «Я, кажется, серьезно заболел, надо пару дней отлежаться».

После чего, не выслушав ответ, повесил трубку, прошел к холодильнику, достал початую бутылку водки, стоящую с Нового года, наполнил дрожащей рукой полстакана, залпом выпил, занялся коркой черствого хлеба и побрел в спальню. Не раздеваясь, в грязной пыльной робе упал на кровать и отключился.

Проснувшись днем в половине первого, лежа одетым в кровати, Федор с удивлением поймал себя на мысли, что не испытывает ни малейших угрызений совести или хотя бы сожалений о содеянном. Голова была пустой и ясной. Стоя в ванной комнате перед небольшим зеркалом, Савченко внимательно разглядывал свое отражение. На короткий миг ему вдруг показалось, что из зеркала на него смотрит какой-то незнакомый человек. Жесткий холодный взгляд, плотно сжатые губы, даже скулы стали какими-то заостренными. Федор чертыхнулся, залез в ванну и включил горячий душ. Через пятнадцать минут он голым прошлепал на кухню, на ходу вытираясь колючим полотенцем и оставляя на полу мокрые следы. Открыв холодильник, Федор приступил к изучению стратегических запасов съестного. Из старенького радио фоном неслось рекламное объявление: «...Продаются восемь мотоциклов «Урал» с коляской, комплект зимней резины, три тонны фосфатных удобрений, а также контейнер французских парфюмерных изделий от производителя. Спросить Гурэна». Затем пошли новости, и тут Савченко напрягся, застыв перед открытым холодильником.

«...В купе были найдены трупы трех молодых мужчин в возрасте 30–35 лет со следами отравления неизвестным токсичным веществом. Со слов проводника вагона, в этом же купе также ехал четвертый пассажир невысокого роста, который сошел на станции в Глуховцеке с двумя чемоданами. Пока правоохранительные органы не располагают данными, был ли четвертый пассажир как-то связан с покойными и в чем причина смерти трех человек. Однако точно известно, что все трое погибших были членами московского спортивного клуба «Единство». По факту гибели трех пассажиров возбуждено уголовное дело. Расследование продолжается. И несколько слов о погоде...»

Липкая волна страха накрыла Федора: бандиты, милиция, боль, позор, тюрьма, смерть. Федор постарался успокоиться, представив себе, что его выживание в сложившихся обстоятельствах – это обычное техническое задание, решение к которому надо найти в самые кратчайшие сроки. Это сработало. Вспомнилась любимая поговорка тестя: «Правильно сформулированный вопрос – это уже пятьдесят процентов решения задачи». Как только мысли пришли в относительное спокойствие, вопросы всплыли в сознании сами собой. Сколько всего долларов находится в мешках и не являются ли они фальшивыми? Кем был Крысеныш и кто хозяин денег? Как выбраться из города с семью мешками «картошки»? Куда бежать? Как в дальнейшем устроить свою жизнь так, чтобы полностью исключить вторжение в нее искателей украденных сокровищ.

Первая задача представлялась наиболее простой. Надо вернуться в гараж, пересчитать доллары и взять несколько купюр для тестового обмена. Уже через два часа его машина подъезжала к дачному поселку. Пересчет денег по пачкам занял час, в итоге получилось пять миллионов долларов. Федор взял четыре пачки и, сунув их в карман, тронулся в обратный путь, рассудив, что обменом он займется завтра. Дома он внимательно рассмотрел все, что удалось изъять у несчастного Крысеныша. Паспорт, членский билет спортивного клуба «Единство», небольшая связка ключей, билет на поезд, нож с выскакивающим лезвием, бумажник, набитый рублями и долларами, один помятый батончик шоколадки «Сникерс», грязный носовой

платок, пистолет с запасной обоймой и небольшая записка, в которой корявым почерком была нацарапана короткая надпись: «Д. О. Иск. № 17. Тел. 5-77-11, В.».

– Слюсаренко Олег Николаевич, – задумчиво пробормотал Федор, разглядывая паспорт Крысеныша. Затем, глядя на трофеи, он вытащил из бумажника деньги, отложил их в сторону вместе с запиской и, сложив все остальное опять в пакет, спустился в подвал, где находилась старая бойлерная дома. Там он спрятал пакет под трубами в самом дальнем, еле освещенном углу. Вернувшись в квартиру, Федор сварил макароны, смешал их с половиной банки тушенки и, без аппетита поужинав, решил пораньше лечь спать. Но сон не шел, долго ворочаясь в постели, он возвращался к событиям минувшей ночи, стараясь изгнать из памяти жуткое видение содержимого чемодана, перед тем как его закрыть и обмотать проволокой. Воспоминания о вывернутой окровавленной голове с открытыми мертвыми глазами добавляли к страшной реальности какие-то вымышленные жуткие картинки из взвинченной до предела психики. Постепенно его мысли каким-то извилистым путем добрались до содержимого в записке. И тут его осенило: «Д. О. Иск. – это же дом отдыха «Искра», а № 17, видимо, номер комнаты, куда так стремился попасть Слюсаренко Олег Николаевич. Ну и, разумеется, номер телефона 5-77-11 наверняка закреплен за комнатой № 17. Буква В, видимо, чей-то инициал».

«Завтра это надо обязательно как-то проверить, а заодно найти обменник подальше от дома, где исключена вероятность встречи с кем-нибудь из знакомых. Самый подходящий вариант – это добраться до микрорайона Вытяж, там вероятность остаться незамеченным намного больше, чем в центре», – лениво пронеслось в голове Федора, и он наконец начал проваливаться в тревожный безрадостный сон.

Утром благодаря незамысловатому, но хотя бы немного осмысленному плану действий Федор почувствовал почву под ногами. Через полчаса после выхода из дома его машина остановилась возле бывшего Дворца культуры, который теперь стал мебельным центром «Эолла». Обмен валюты в Глуховецке, как и по всей стране, был организован двумя способами: либо в официальном обменнике от банка, либо у менял – крепких парней, стоявших на самых бойких местах. Местная милиция, естественно, «в упор не видела» никаких нарушений закона на вверенной территории.

Для Федора задача сводилась к простым действиям: протянуть доллары, и если опытные менялы не дадут по морде – значит, доллары настоящие. В обменнике кассирша могла за фальшивые доллары нажатием тревожной кнопки вызвать наряд милиции, а это было значительно опаснее мордобоя, при этом одно другого не исключало.

Осмотревшись по сторонам, Федор двинулся к группе менял, стоящих возле остановки автобуса. Сейчас все решится. Надо только протянуть двести долларов,жатых в потной руке. Он подошел к ближайшему меняле, рыжему небритому парню, и уже собирался протянуть купюры, как перед ним неожиданно возник какой-то худой старик в длинном поношенном плаще. Он протянул несколько мелких долларовых купюр рыжему и попросил поменять по соткам, а одну сотку обратить в рубли. Слегка подрагивая и кутаясь от холода, он покорно ждал, когда же произведут его мудреный обмен. Однако после завершения операции старик неожиданно встрепенулся и возмущенно заголосил: «Ребята, вы что! А где еще сотка долларов?»

Рыжий быстро воровато оглянулся по сторонам и почти шепотом проговорил: «Вали отсюда, дед, а то сейчас и это заберу, сука!» После чего опять оглянулся по сторонам и быстрым отточенным ударом заехал старику под дых. Дед вскрикнул и, согнувшись, медленно осел на асфальт. Федору показалось, что старик больше не поднимется и прямо сейчас тут же на месте умрет. Ему вдруг стало нестерпимо жаль деда, и он неожиданно для себя громко крикнул: «Козел, ты что творишь? А детей лупить еще не пробовал?»

Двое менял, стоящих в стороне, почувствовав намечающийся скандал, резко повернулись к Федору, уставившись на него оловянными, ничего не выражающими глазами. Казалось, что они как будто ждут команды «Фас!», чтобы порвать Федора и старика в клочья.

Рыжий меняла опять быстро глянул по сторонам и коротким, таким же быстрым профессиональным ударом согнул пополам и Федора. Тот не успел даже охнуть. Ему почему-то сразу вспомнился ужас и собственный позор, который он еще совсем недавно испытал, глядя в дуло макарова, постыдную лужу у своих ног и безжалостные глаза Крысеныша.

«Подобного больше никогда не случится!» – пронеслась в голове упрямая мысль. Загибаясь от удара и судорожно хватая ртом воздух, он отвернулся спиной к противнику и нащупал пряжку ремня.

– Валите оба отсюда! Быстро! А ты, дед, я думаю, знаешь, за что тебе прилетело, верно? Еще раз встрянешь в наши дела – убью! – сквозь зубы злобно бросил рыжий и как ни в чем не бывало повернулся к следующему клиенту.

Пару лет назад Нина на день рождения подарила Федору турецкий ремень с огромной пряжкой «Диор». Через пару месяцев скоба на пряжке отвалилась, и Федор два часа пытался ее припаять на место. В итоге все закончилось тем, что он напаял граммов пятьдесят олова с обратной стороны пряжки, приделав самодельную скобу. Именно этот ремень после удара под дых Федор незаметно выдернул из штанов, быстро намотал на левую руку и, стремительно вскочив, широко размахнулся и резко нанес удар Рыжему по лицу тяжелой пряжкой. Тот явно не ожидал такой прыти от уже поверженного противника. Ребро массивной пряжки наискосок врезалось в область правого глаза менялы, и он, схватившись руками за окровавленное лицо, дико заорал. Двое его коллег быстро, но без суеты двинулись к Федору. Тот, растопырив руки, пятясь и закрывая собой старика, прохрипел, не поворачивая головы: «Все, дед, сматывайся. Я их задержу!»

В своей прошлой жизни он наверняка не стал бы вмешиваться в чужой конфликт, но почему-то не сейчас. На него вдруг накатила какая-то веселая звериная ярость, о наличии которой в себе он даже не подозревал. Однако на поле боя что-то изменилось. Невзрачный плешивый мужичок в сером дешевом костюме вступился за Федора и старика, затеяв непонятную возню с менялами. Он начал что-то громко голосить невнятным булькающим голосом, призывая парней не спешить с расправой и во всем сначала разобраться. При этом он как-то внешне неловко, тыча и отпихивая то одного, то другого парня в сторону, внес сумятицу и неразбериху в их ряды. При этом он умудрился «случайно» сделать одному подсечку, и тот растянулся на асфальте, схватившись за колено, другой получил, опять же совершенно «случайно», болезненный тычок локтем в ребра, а третий также «случайно» споткнулся о растянувшегося на земле товарища и, семеня ногами, проехал по асфальту, сдирая кожу на ладонях. Из рук одного из менял выпала валюта, и толпа зевак, образовавшаяся вокруг, пришла в хаотичное движение, что-то голоса и быстро нагибаясь. Федор с изумленным видом замер, наблюдая за происходящим. Он даже не заметил, как мужичок в дешевом костюме куда-то быстро исчез. Какая-то сердобольная грузная женщина пыталась помочь рыжему, протягивая ему платок и вызывая к милиции и скорой помощи. Заметив, как рыжий парень по-детски ноет и стонет, держась за окровавленное лицо руками, Федор неожиданно испытал к нему острое чувство жалости: «А вдруг глаз серьезно пострадал?»

Кто-то потянул Федора за рукав куртки. Он повернулся. Это был старик в длинном плаще, на мгновение уставившийся на Савченко каким-то придурковатым растерянным взглядом. Затем, словно очнувшись, быстро проговорил: «А вот теперь, парень, сматываемся! Давай за мной! Быстро, но не бегом! Да ремень-то надень, дурень! А то еще штаны спадут. Вот стыдоба-то будет!»

Они быстрым шагом пошли к соседним домам. Пройдя метров двести, старик нырнул в подъезд, оказавшийся проходным, затем во двор, далее в арку, и Федор с удивлением понял,

что они оказались на параллельной улице. За все это время они не произнесли ни слова. Федор искоса поглядывал на деда, тот иногда останавливался, тяжело дыша и вытирая пот с болезненно-бледного изможденного лица. «Не хватит ли его удар? Уж больно ветхим выглядит», – мелькнула в голове Федора беспокойная мысль.

Однако, несмотря на частые остановки, болезненный вид и одышку, на губах деда играла довольная улыбка, а в глазах мелькали озорные огоньки. Это немного успокоило Федора.

– Так! Остановились, успокоились и идем дальше степенным прогулочным шагом, – задыхаясь, прохрипел старик. – А тебя, мОлодец, как звать-то? – широко улыбаясь, спросил дед.

– Федор!

– А меня Семен Борисович, можно просто Борисыч! – добродушно улыбаясь, проговорил старик.

Глава 6

– Скажи-ка, Федя, а откуда тебя к нам занесло и по какой надобности? – лукаво прищурившись, задал вопрос Борисыч.

– Я в центре живу, на Калинина. Ехал от родственника, решил доллары поменять. Поменял, блин! – огорченно ответил Федор.

– Я тоже хотел поменять. Да только с этими жадными хмырями, похоже, каши не сваришь.

– А кстати, о каше, – вдруг встрепенулся Федор. – Хотите, я вас угощу обедом в честь знакомства?

– Чего это вдруг? – удивленно спросил дед.

– Да просто так, настроение хорошее, – Борисыч был ему явно чем-то симпатичен.

– Лады! Я, кстати, знаю тут рядом одну отличную чебуречную. Там у меня узбек знакомый работает. Кухня потрясающая! Пойдем, Федя, покажу.

– А много вы хотели поменять? – спросил Савченко.

– Триста. – грустно проговорил старик.

– Это не смертельно, – ляпнул Федор и тут же пожалел. Наверняка для старика это были огромные деньги и, возможно, последние.

Семен Борисович удивленно глянул на Федора, словно проверяя, не издевается ли над ним его новый знакомый.

Федору стало ужасно неловко, и, почувствовав, что краснеет, он скороговоркой затараторил:

– Я хотел сказать, то есть, что... что, конечно, деньги очень приличные. И для меня тоже. А кстати, с чего у этих мордovorотов на вас зуб?

– А, ерунда! – беспечно махнув рукой, проговорил Борисыч. – Один мой хороший знакомый хотел у этих обезьян круглую сумму долларов купить. Попросил меня тоже при сделке поприсутствовать, чтобы не надули. Я как их фантики увидел, так сразу и сказал, что половина из них – это крашенные бумажки из Ирана. Мне их друзья из банка когда-то показывали. Эти иранские фальшивки сейчас по всему миру гуляют. Я их сразу признал и сообщил об этом своему другу. Он покупать не стал. Эти чудики, видать, серьезно на меня обиделись. Вот и вся история.

– Так вы в этом деле разбираетесь?

– Есть немного.

– А, можете посмотреть мои доллары? Вдруг тоже фальшивые? – Федор достал купюру и протянул старику. Тот быстро глянул на нее, повертел в руках, помял и вернул Федору.

– Настоящая. А почему сомневаешься? – отчего-то напрягшись, спросил дед.

– Да я недавно квартиру продал. Вот и думаю, не надули ли меня?

– Успокойся, все в порядке. А квартира-то где была? Тоже на Калинина? Какие там нынче цены?

– Я за тридцать тысяч продал, – наугад ляпнул Федор.

– Наверное, очень большая была, да еще, поди, и с балконом? – с какой-то непонятной интонацией, словно подавив усмешку, спросил Борисыч.

– Ну, в общем, да, трехкомнатная с балконом, третий этаж. Кстати, если у вас сейчас затруднения с деньгами, я могу одолжить. Вернете, когда сможете, в лучшие времена, – и он быстро и неуклюже взял Борисыча за руку и вложил в нее сто долларов. Старик встал как вкопанный, обалдело глядя то на деньги, то на Федора. Наконец он обрел дар речи и охрипшим голосом выдал:

– Спасибо! А вот уже и пришли, – и привычным жестом толкнул неказистую пластиковую дверь, над которой висела истертая, столетней давности вывеска «Чебуречная».

Глава 7

Интерьер был предельно простым. Крашенные стены и потолки, пластиковая барная стойка, бело-красные скатерти на пластиковых столах. Из украшений на одной из стен висело темное медное чеканное панно, изображающее счастливый труд колхозников, перевязывающих снопы пшеницы лентами с надписью – «СССР». В общем и целом помещение было без затей, но чистым и опрятным. Как только Федор и Борисыч сели за дешевый пластиковый столик, к ним тут же подлетел сияющий официант. Кто-то еще вошел в чебуречную, но из-за солнечного света, бывшего в глаза через окно, Федор не разглядел вошедшего посетителя, заметив только, что он уселся у окна и уткнулся в меню.

– Салам алейкум, Семен Борисович, дорогой! Как ваше здоровье? – залился медовым голосом официант.

– Спасибо, Назир, слава Аллаху, жив! Как сам? Как мама? Поправляется?

– Все прекрасно, вам привет передает, говорит, что, как совсем поправится, приедет сюда, вам сама плов приготовит! А лучше моя мама никто плов в мире не делает!

– Очень хорошо, рад за нее. Кланяйся от меня.

– Хотите покушать?

– А сделай нам, голубчик, два салатика со свежими овощами, шурпу, плов и чебурек. Ну и, конечно, зеленого чаю!

– Один секунда! – и официант тут же понесся выполнять заказ.

– Я десять лет тут столуюсь. Уже как родные все стали. Ничего, что я сам все выбрал? Ты же угощаешь? Выпить бы, но мне нельзя, а ты, как я понял, за рулем, – горестно вздохнул Борисыч.

Федор засмеялся: «Все нормально!» Только тут он разглядел вошедшего посетителя. Это был тот самый неприметный мужичок, который помог им в драке.

– Там тот парень, который нас выручил. Как думаете, может, мне хотя бы ему проставиться в знак благодарности?

Борисыч, нахмурившись, раздраженно проворчал: «Обойдется! В смысле потом как-нибудь, не сейчас. Суеты не охота. Давай посидим, спокойно поболтаем. Мне редко выпадет вот так запросто с молодежью покалякать».

Федор пожал плечами. Тут в чебуречную быстро вкатился круглый розовощекий человек лет шестидесяти с лишним и энергично двинулся к их столику. Казалось, он кипит и вот-вот лопнет от переполнявших его эмоций.

– Сема! Что за хрень? – заголосил толстяк, еще не дойдя до столика. – Ты почему не в постели? Что за цирк ты устроил на Привальной? С тобой все нормально? Мелкая уже в курсе, она же меня убьет, если с тобой что случится!

– О господи! Горыч! Вот же некстати принесла нелегкая! – тихонько проворчал стрик.

Розовощекий толстяк, только подойдя к столику, заметил Федора и как вкопанный замер в растерянности, не сводя с него удивленных глаз. На его лице застыло такое же придурковатое выражение, как и у Борисыча, когда он разглядывал Федора. Затем, как будто очнувшись, толстяк удивленно уставился на Борисыча.

– Федя, познакомься – мой старинный друг Петр Егорович, или просто Горыч. Горыч, это Федя, мы сегодня с ним вместе в передрыгу попали, и он меня спас. Не поверишь, он старшего с Привальной так лихоотметелил! А еще Федя сто долларов мне занял, а то эти гопники у меня почти все отжали! – заявил он гордо.

Горыч смотрел выпученными глазами то на одного, то на другого, как будто иностранец, не понимающий чужого языка.

– Ладно, раз все нормально, я пойду, некогда в вашей «Санта-Барбаре» разбираться. Позже поговорим, – проворчал раздраженно толстяк и быстро вышел из зала.

– Ага, – беззаботно ответил ему вслед Семен Борисыч.

Федора все больше удивлял загадочный старик Борисыч. Что-то не вписывалось в первоначальный образ деда. В этот момент принесли салаты, горячую жирную шурпу и еще теплый лаваш. Федор вдруг ощутил жуткий аппетит, поэтому ел жадно и быстро. Борисыч, наоборот, еле клевал салат, решительно отказавшись от всего остального, хотя вся еда действительно была очень вкусной. Новые друзья весело и непринужденно поболтали о всякой ерунде, и в какой-то момент Борисыч хвастливо заметил, что если Феде вдруг понадобится обменять приличную сумму долларов на рубли, то он может помочь. В коммерческом «Прима-банке» у Борисыча, оказывается, есть кое-какие связи, поэтому, если что, обслужат как родного, по наилучшему курсу, с соблюдением приватности и конфиденциальности.

– Правда, там работают только с суммами более десятки, – грустно закончил Борисыч. Федор сначала вежливо молча покивал головой, боясь обидеть старика откровенным недоверием, но потом, поразмыслив, сам вернулся к этой теме. Борисыч попросил у официанта карандаш и на салфетке корявым детским почерком написал номер телефона.

– Спросишь Марьяванну, скажешь, что от меня. Она все устроит в лучшем виде, – хвастливо изрек старик и продолжил рассказывать очень смешную историю из своего детства. Федор с грустью подумал, что Борисыч, видимо, как и многие в его возрасте, живет химерами прошлой жизни, когда он еще что-то где-то значил. Наверняка в этом «Прима – банке» никто даже не вспомнит несчастного Семена Борисовича и, скорее всего, пошлют Федора куда подальше, но все равно он искренне поблагодарил старика за участие. На прощание новоиспеченные друзья обменялись телефонами и расстались довольные друг другом. Федор решил съездить в «Искру» и попытаться на месте осторожно что-нибудь выяснить о жильцах комнаты № 17.

Глава 8

Как Федор и предполагал, не доезжая километров пять до «Искры», перед ним разверзлась злополучная речка Ветрянка, вышедшая после ливня из берегов. Когда-то тут было небольшое село, которое исчезло с тех пор, как через лес проложили дорогу. С этого момента Ветрянка периодически стала выходить из берегов и затоплять не только маленькое заброшенное поселение, но и низшую часть дороги. Оползни с ближайшей горы Высь были обычным явлением. За двадцать лет существования дороги все местные власти давали клятву решить эту проблему, но почему-то никому это не удавалось. После каждого затопления выходила уборочная техника, разгребала то, что сползло с горы, потом залатывались дыры в асфальте, и на этом все заканчивалось. Крупные большегрузные машины довольно легко побеждали это привычное природное препятствие, особенно те, которые сталкивались с этой проблемой ежегодно. Для легковых машин преодоление препятствия в виде рытвин и булыжников, скрытых под двадцатисантиметровым слоем воды, было настоящим испытанием. Требовалось обладать опытом и знанием рельефа дороги в злополучном месте, чтобы безопасно преодолеть последствия стихии. Проехать через вышедшую из берегов речку и не угробоить машину можно было только одним способом – если держаться крайней правой части дороги, забирая в сторону возвышенности под углом двадцать – двадцать пять градусов. При этом часто из-под дверцы в салон машины начинала проникать вода. Не каждому водителю удавалось сохранять спокойствие, когда машина под углом забирает круто вправо, а под левой дверцей в этот момент начинает образовываться лужа. Но для многих местных жителей это было делом довольно обыденным, хотя и крайне неприятным.

Вот и сейчас Федор, проклиная речку, непогоду и власти, осторожно пробрался по правой стороне дороги, с замиранием сердца прислушиваясь к царапающим звукам, раздающимся где-то под картером. Через пять минут показалась стела с указателем дома отдыха «Искра». Федор свернул с основной дороги и, обеспокоенный тем, что назад придется также пробиваться через разверзнувшиеся хляби Ветрянки в стужающих сумерках, вдавил посильнее педаль газа. На подъезде к дому отдыха перед заполненной водой траншеей он вылез из машины и, ежась от холода, быстро двинулся к центральному входу дома отдыха. Не зная, что его ждет в номере семнадцать, Федор придумал, как ему показалось, вполне правдоподобную и убедительную историю на случай, если его кто-то спросит.

Когда он зашел в вестибюль, то сразу увидел высокого крупного мужика лет сорока, одетого в темно-синие спортивные штаны, домашние тапочки и тесную голубую футболку, задравшуюся на необъятном животе. Его красное обветренное лицо выражало крайнее неудовольствие. Нависнув над вахтером, он угрожающе кричал: «Ты, Саныч, уже второй день обещаешь слесарей прислать, а что в итоге? Ни слесарей, ни горячей воды в номере!»

Скандалист слегка пошатывался, явно пребывая в подпитии. Федор в нерешительности потоптался на месте, а затем двинулся вглубь здания. Но тут же раздался строгий голос бдительного вахтера:

– Молодой человек, а куда это мы собрались?

Федор повернулся на голос и добродушно проговорил:

– Здравствуйте, я в семнадцатый номер. Мне надо посылку забрать. Отец из Москвы передал через знакомых, которые у вас тут остановились.

– Семнадцатый номер пустой. Там сейчас никого нет, – важно, с нотой торжества изрек вахтер. – А документики можете свои предъявить? – добавил он, прищурившись.

– Саныч, ты что, с дуба рухнул? – икнув, возмущенно протрубил мужик в футболке. – Ты чего тут спектакль устраиваешь? – и, повернувшись к Федору, уже миролюбиво пробасил: – Если ты, парень, по поводу Верунчика, то она уехала два дня назад. Единственная интерес-

ная девушка была в этой богадельне! Правда, вся какая-то нервная, вроде как ждала кого-то. Поужинает – и шмыг к себе в номер до утра. Мы ее от чистого сердца приглашали на различные культурные мероприятия, но она ни в какую.

Вахтер недовольно зыркнул на мужика в футболке.

– Степан, ты бы рот закрыл! Не положено сообщать кому попало информацию о наших проживающих.

– Кем не положено, кому не положено? Да елки-палки! – опять возмущенно взревел Степан. – У тебя тут что, секретный военный объект, что ли? Что ты парню голову морочишь? Трудно, что ли, по-человечьи объяснить? Лучше бы своих слесарей пригнал, чтобы у нас в номере горячую воду наладили. А то я сам сейчас начну ремонтировать! Разберу весь стояк до винтика, потом ты будешь собирать!

Вахтер недобро посмотрел на Степана и обиженно уткнулся в какие-то бумаги, лежащие на столе.

К дому Федор подъезжал уже в темноте, слыша под ногами чавкающие звуки мокрого коврика. Подходя к двери квартиры, он услышал надрывающийся звонок телефона. Быстро открыв дверь, Савченко, не разуваясь, подлетел к аппарату и схватил трубку.

– Федя, привет! – раздался мягкий знакомый голос Нины. – Ты как?

– Нормально, – растерянно ответил Федор. – Что-то случилось?

– Да нет, просто позвонила узнать, как у тебя дела. Тебе это неприятно? Если это так, скажи, и я повешу трубку.

– Да нет, что ты! – пробормотал растерянно Федор. Он столько раз мысленно представлял себе разговор с Ниной, что теперь, когда наконец услышал ее голос, растерялся, не зная, о чем говорить. Все многократно продуманные сценарии разговора, как назло, вылетели из головы.

– Хотя, что я тебя обманываю, пытаюсь оттянуть неприятный разговор! Прости, но дело в том, что у Виталика возникли некоторые финансовые проблемы и мне нужны деньги. Я вынуждена продать нашу квартиру и дачу. Со временем все наладится, и я верну тебе половину стоимости, но сейчас мне срочно нужна очень крупная сумма денег.

– Что случилось? – упавшим голосом спросил Федор.

– Виталик вложил в одно предприятие, связанное с поставками алкогольных напитков из-за рубежа, но его партнер пропал. И сейчас второй партнер обвиняет Виталика в пропаже денег и требует все вернуть. Это очень опасный и влиятельный в Москве человек. Все наши знакомые рекомендуют лучше заплатить ему то, что он требует, чем конфликтовать с ним, – грустно проговорила Нина.

– О господи! Сложно-то как все у вас! – пробормотал удивленно Федор, прижимаясь лбом к холодному стеклу окна. – Нина, а о какой сумме идет речь?

– Это огромные деньги. Двадцать тысяч долларов. Если нам повезет и удастся продать квартиру хотя бы за пятнадцать тысяч, а дачу – тысячи за три, то я смогу еще занять немного на работе, и мы, тогда как-нибудь выкрутимся. Ты даже не представляешь, насколько все серьезно. По сути, это вопрос жизни и смерти дорогого мне человека. Я не могу остаться безучастной! Понимаешь?

– Послушай, Нина, – осторожно проговорил Федор. – А если я смогу тебе помочь и достать эти деньги, ты сможешь убедить своего Виталика в том, что ты якобы удачно распродала свою недвижимость? Мне бы хотелось, чтобы и квартира, и дача остались за тобой, но чтобы об этом никто не знал. Ну, а мы с тобой позже как-нибудь все по-честному решим. Это возможно?

В телефонной трубке повисла напряженная тишина. Наконец раздался тихий голос Нины:

– Ты это сейчас серьезно? Ты действительно можешь достать такую сумму?

– Я попробую, но только если ты обещаешь выполнить мое условие. Идет?

- Ну, да, конечно! – с надеждой в голосе воскликнула Нина.
- Дай мне время до завтра. Ладно? Я тебе сам перезвоню.
- А ты мне объяснишь, где планируешь взять такие деньжищи?
- У знакомого. Это все, что я могу тебе сказать, – твердо проговорил Федор, устремив взгляд куда-то в сторону.

Глава 9

Игорь Николаевич только ночью вернулся из служебной командировки из Глуховецка и планировал отоспаться хотя бы до двенадцати дня. Но уже в восемь утра раздался звонок из приемной его прямого начальника полковника Ковалева. Это была Розалья Павловна, пожилая секретарша полковника.

– Игорь Николаевич, Геннадий Андреевич просит вас в десять тридцать зайти к нему с докладом по Шереметьевскому таможенному посту.

Сонный Астахов скривился, как от зубной боли: «Спасибо, Розалья Павловна, буду ровно в десять тридцать».

В одиннадцать он уже выходил из кабинета полковника встревоженный и красный как рак. Астахов давно привык к разносам начальника по различным поводам и научился спокойно реагировать на его яростный ор в свой адрес. Вот и сегодня он привычно потупил взгляд и, как обычно, не оправдываясь и не пререкаясь, лишь периодически успевал вставлять твердое «Есть! Принято! Будет исполнено!», со злорадством понимая, что избавиться от него сейчас полковник в любом случае не решится, так как большинство сотрудников и так пачками увольнялись из конторы по собственному желанию. Они отлично устраивались в различных коммерческих структурах, где дурости, бюрократизма и солдафонщины было меньше, а денег и уважения – больше. Но сегодня полковник вскользь затронул болезненную для Игоря Николаевича тему, касающуюся крупного московского криминального авторитета Клима. А на данном этапе Астахову очень не хотелось, чтобы дело Клима оказалось в числе приоритетных разработок полковника Ковалева. Потом, когда он завершит свой личный проект, косвенно связанный с империей Клима, вот тогда все что угодно, но только не сейчас. Игорь Николаевич зашел в свой кабинет, раздраженно швырнул на стол папку с бумагами и плюхнулся в кресло, уставившись на маленький бронзовый бюст Дзержинского, который уже тридцать лет кочевал с ним по служебным кабинетам. В этот момент зазвонил телефон, и Астахов решительно схватил трубку, полагая, что сейчас опять услышит голос старой гримзы, которая обычно после визита к полковнику сообщала о внесении поставленной задачи в план текущих мероприятий и напоминала о сроках исполнения. Но это была не секретарша полковника. Мужской старческий голос бодро отрапортовал: «Игорь Николаевич, докладывает Маньков Иван Александрович. Как вы и предполагали, на охраняемом мной объекте появился подозрительный субъект, который не пожелал представиться».

Астахов потер болезненно пульсирующий затылок и зажмурился, пытаясь сообразить, к какому делу может относиться этот бодрый бред.

– Однако мне удалось выявить его автомобиль. Это бордовая иномарка с эмблемой такси на крыше. Номер я не смог разглядеть в силу старческой слабости зрения. В случае повторного появления данного субъекта на объекте я готов задержать его до прихода должностных лиц, заинтересованных в его задержании.

Астахов чуть не взвыл от этой бодрой околесицы добровольного дружинника.

– До особого распоряжения я продолжаю тщательное наблюдение за помещением номер семнадцать, – продолжал свой доклад «секретный агент». И в этот момент Игорь Николаевич чуть не подпрыгнул на месте. До него наконец дошло, с кем он разговаривает. Астахов прокашлялся, выпрямился в кресле и ровным начальственным голосом произнес:

– Иван Александрович, от имени всего нашего управления объявляю вам благодарность за достойную службу на благо родины. Доложите подробнее о происшествии.

– Итак! – продолжил воодушевленный Маньков. – Вчера в районе шестнадцати часов тридцати минут я заметил остановившуюся перед главным корпусом иномарку бордового цвета с эмблемой такси на крыше. Из нее вылез субъект лет тридцати пяти среднего телосло-

жения в черной кожаной куртке. Он выдвинулся в вестибюль нашего учреждения и начал задавать вопросы касаемо жильцов из семнадцатого номера. Я попытался выяснить его фамильные данные, но тут вмешался проживающий у нас Степан Голиков, часто страдающий алкогольным пьянством, и свел мои попытки на нет, проболтавшись об отъезде проживавшей ранее в семнадцатом номере молодой особы женского пола. Субъект тут же стремительно покинул помещение. Повторяю, если данный субъект вновь объявится на вверенной мне территории, прошу разрешения на самостоятельное задержание его до прибытия органов. Уверяю, я справлюсь с данной задачей!

Астахов сдвинул брови, насупился и рявкнул в трубку:

– Иван Александрович, слушайте приказ! Ваша задача – вести тщательное наблюдение за семнадцатой комнатой в пассивном режиме. Любые решительные действия с вашей стороны будут расценены как грубое нарушение данного приказа! Обо всех случаях проявления интереса от посторонних лиц к семнадцатой комнате докладывать только мне лично. Вам все понятно?

– Так точно! – бодро ответила трубка и тут же, понизив голос, спросила: – А что в отношении часто пьющего Степана Голикова? Вы можете оказать содействие по его нейтрализации?

Представив себе в красках «спецоперацию по нейтрализации часто пьющего Степана Голикова», опешивший Астахов отчаянно шлепнул себя ладошкой по лбу.

– Ни в коем случае! – вскрикнул он, судорожно расстегивая тесный ворот рубашки. – Голиков в определенном смысле может оказаться нам полезен, – наконец туманно закончил разговор майор и повесил трубку. В течение часа он дописывал отчет о предотвращении действия устойчивого канала контрабанды из Польши через таможенный пост «Шереметьево-2», когда раздался телефонный звонок из приемной полковника. Лицо Астахова перекосило от раздражения и недоброго предчувствия. Он быстро перебрал в уме, что еще сейчас вишенкой на торте ему преподнесет Розалья Павловна.

– Игорь Николаевич, совсем забыла вам сообщить, – послышался скрипучий голос секретарши. – Геннадий Андреевич подписал ваше заявление на отпуск с завтрашнего дня. Но вы должны сегодня до вечера предоставить ему ваш исправленный материал. И еще у меня просьба: как пойдете в отдел кадров, попросите Любовь Александровну, пусть она, как закончит наконец болтать по телефону, перезвонит мне, чтобы я у себя могла проставить номер приказа. Ладно?

– Конечно, – ответил Астахов. Закончив разговор, он тут же набрал номер телефона Валеры.

– Есть новости по нашему делу. Кроме того, вопрос с моим отпуском решен. В девятнадцать тридцать встречаемся там, где всегда. Будь готов выдвинуться в наш любимый Глуховецк. Думаю, нам потребуется недели две, не более. Подробный план действий изложу сегодня при встрече.

Игорь Николаевич повесил трубку, посмотрел на бюстик Дзержинского и, улыбнувшись, подмигнул ему. После чего откинулся на спинку кресла и с довольным видом сладко потянулся, широко зевнув во весь рот.

Глава 10

Давно ставшее уже чуть ли не ритуальным ежедневное утреннее планирование сейчас имело для Савченко не только практическую пользу, но и оказывало определенный терапевтический эффект, приводя в порядок изрядно потрепанную за последние дни психику. Составляя план на день, Федор словно отгонял страхи и сомнения, которые накатывали на него мутной волной, стоило лишь только пробудиться ото сна. Сегодня надо было принять окончательное решение по поводу денег для Нины, а также продумать, каким образом можно безопасно обменять валюту на рубли, которые явно понадобятся для бегства из Глуховецка. Неожиданно раздался телефонный звонок, и Федор, вздрогнув, быстро схватил трубку, решив, что звонит Нина. Но это была не она.

– Привет, Федя, это Седов Семен Борисович, помнишь такого?

– Конечно! – рассмеялся Федор.

– Феденька, я вот о чем хотел тебя попросить. Не мог бы ты завтра заехать ко мне домой? Скажем, утром часиков в десять?

– Какие-то проблемы из-за вчерашнего? – спросил обеспокоенно Федор.

– Да черт его знает, но, скорее всего, нет, – задумчиво проговорил Борисыч. – У тебя мозги помоложе, получше моего думают, может, сможешь что-нибудь подсказать старику в одном пустяшном дельце? Заодно чайку попьем, покалякаем душевно.

– Да без проблем! – решительно ответил Федор. – Диктуйте адрес, – и, схватив лежащий рядом карандаш, он быстро записал на клочке газеты адрес Борисыча.

– Кстати, я тут связался насчет твоего вопроса по поводу валюты. Предупредил, что, мол, так и так, от меня может обратиться хороший человек, чтобы тебе помогли со всем старанием. Так что если это для тебя еще важно, то сегодня до трех заскочи в банк, про который я тебе говорил, и сможешь за раз решить свои обменные проблемы, – проговорил Борисыч.

Федор поблагодарил его и, закончив разговор, набрал номер, записанный на салфетке. Через два гудка трубку сняли, и доброжелательный женский голос мягко проворковал:

– «Прима-банк», отдел по работе с корпоративными клиентами, меня зовут Наталья, чем я могу вам помочь?

– А мне бы Марию Ивановну услышать.

– Переключаю.

– Григорьева, слушаю, – раздался другой деловитый женский голос.

Федор растерянно начал мямлить:

– Да я, да мне... я точно не уверен, но... Короче, я от Семена Борисовича.

– Ясно. Когда вам удобнее подойти и о какой сумме идет речь?

«Ух ты! – удивленно подумал Федор. – Действительно все так просто или она не очень поняла, о чем речь? Наверняка с кем-то спутала».

– Если сегодня в одиннадцать? И, я думаю, двадцать тысяч. Это возможно?

– Да. Хорошо, – коротко ответила трубка. – Ваша фамилия? Мне необходимы данные для пропуска.

Через два часа Федор стоял перед старым двухэтажным зданием, в котором когда-то было профтехучилище, выпускающее различных специалистов рабочих профессий. Три года назад училище было закрыто, и теперь в здании располагался коммерческий «Прима-банк». Охранник на входе объяснил, что в корпоративный отдел надо заходить со двора. Там Федора тоже встретил очередной охранник, и после проверки документов он лениво махнул головой в сторону лестницы. Попав на второй этаж, Федор опять оказался перед очередным охранником. Холл выглядел строго и солидно: мраморная плитка, идеально оштукатуренные стены

цвета кофе с молоком, хрустальные люстры с золочеными виньетками, мягкие удобные кожаные кресла. Федор немного растерялся. Он никогда ранее не бывал в подобных заведениях.

– Мне бы Марию Ивановну увидеть, – неуверенно проговорил Федор, обращаясь к охраннику.

– Ты из «Траст СКА»? Опять за бумагами прислали? – спросил охранник.

Растерявшийся Федор, сам не понимая зачем, утвердительно кивнул.

– погоди, сейчас я их наберу, – ответил охранник и что-то быстро и непонятно затараторил по телефону.

Имя Марьяванна у Федора прочно ассоциировалось с завхозом в школе, крупной вредной теткой, которая ненавидела все и всех в этой жизни. Встреча с очередной Марьяванной вызывала у Савченко легкое подспудное опасение. Кроме того, изумленно оглядываясь по сторонам, Федор почувствовал себя наглым самозванцем, пробравшимся туда, куда ему входить было не положено. Мелькнула предательская мысль: «Может, смыться, пока не поздно?»

В это время послышалось цоканье женских каблучков, и к нему подошла миниатюрная миловидная девушка. Строгий костюм, облегающая юбка выше колен, белая блузка, распущенные черные волосы, большие черные глаза, напряженно сдвинутые брови. Она с недоумением взглянула на охранника, затем на Федора.

– Я к Марии Ивановне от Семена Борисовича, – быстро проговорил Федор.

Девушка уставилась на него долгим удивленным взглядом. Федор смущенно насупился, переминаясь на месте и не зная, что сказать. Словно очнувшись, девушка рассеянно проговорила: «Идите за мной» – и, резко повернувшись, зацокала по коридору. Федор с удовольствием окинул взглядом ее ладную фигурку, особо задержав взгляд ниже пояса. Охранник с пониманием ухмыльнулся.

Тем временем девушка открыла какую-то дверь и жестом пригласила Федора войти. Комната была маленькой. Кроме стола, двух стульев и нескольких сейфов в ней ничего не было.

– Прошу прощения, можно ваш паспорт? – проговорила девушка, глядя на листок бумаги, лежащий на столе. Федор протянул документ.

– Давайте валюту, – проворковала красotka, возвращая паспорт.

Федор вынул из карманов две пачки стодолларовых купюр и протянул девушке. «Прошу прощения, а где все же Марьяванна?» – спросил он.

Девушка удивленно уставилась на него и, помолчав, озадаченно произнесла: «Это я».

Федор почувствовал, что краснеет. Девушка, глядя на него, добродушно рассмеялась, открыла сейф с кодовым замком и повернулась к Федору.

– А вы без сумки? Куда складывать рубли будете? Я хоть и подготовила пятитысячными, но все равно это семьдесят пять миллионов рублей, то есть сто пятьдесят пачек по сто купюр. По карманам вряд ли удастся рассовать.

Федор почувствовал, что покрывается испариной. Мало того, что он не додумался взять сумку, так еще и эта красotka его чертовски смущала. Словно почувствовав его состояние, девушка мягко проговорила: «Давайте сделаем так. Мы сейчас выйдем. Вы подождете меня возле двери, а я ненадолго отойду и попробую что-нибудь придумать». Федор обреченно кивнул головой. Через минут пятнадцать девушка вернулась, держа в руках новенькую китайскую сумку на маленьких колесиках, именуемую в народе «побирушкой». В ней благополучно уместились все деньги.

– А как вам сумку вернуть? – спросил Федор.

– Считайте это подарком нашего банка, – весело ответила Марьяванна.

И тут Федора неожиданно понесло. «А что я, собственно, теряю, если попробую пригласить эту красотку на свидание? – пронеслась в голове неожиданная шальная мысль. – Да будь что будет! Может, меня, такого богатого, завтра уже грохнут какие-нибудь бандюганы, а я так и не успею кусить прелесть этого богатства!»

– Скажите, а мы могли бы увидеться еще раз? – решительно спросил Федор.

– Конечно. Как только вы решите еще раз воспользоваться услугами нашего банка, – дежурно улыбнувшись, мягко проворковала девушка.

– А если не в рабочее время? Может, сходим куда-нибудь? – не сдавался Федор.

– Вы что, предлагаете мне романтическое свидание? – заразительно рассмеялась Марьяванна. – Вы же меня даже не знаете!

Федор посмотрел на нее внимательнее, и ему показалось, что он уже с ней где-то встречался раньше. Особенно эти смеющиеся глаза. Однако ничего конкретно вспомнить он так и не смог.

– Мне кажется, что я вас знаю всю жизнь, но мы можем познакомиться и поближе, – с наглостью заправского ловеласа, улыбнувшись, уверенно заявил Федор. «Боже, ну что за пошлый бред я несу! – пронеслась в его голове паническая мысль. – Теперь уж точно пошлет к черту!»

– Ну, вероятно, сегодня ваш день, Федор Александрович! – неожиданно проговорила Марьяванна, задумчиво глядя на Федора без тени улыбки. Она опять словно застыла, не отводя немигающий взгляд от его лица, но потом встряхнула головой и скороговоркой, произнесла: – В шесть я заканчиваю работу, в восемь у меня тренировка. Пару часов я могу посвятить вам как нашему новому клиенту. Встречаемся в кафе «Аркадия» в восемнадцать часов. Подойдет?

Федор, не веря в удачу, кивнул и, не прощаясь, в радостном возбуждении поспешил на выход. Проходя мимо огромного зеркала в массивной золотой раме, он остановился и мельком взглянул на себя. То, что он увидел на фоне сияющего интерьера, привело его в уныние. Дешевая турецкая куртка, растянутый коричневый свитер с дурацкими белыми оленями, рванные кроссовки, небритая физиономия. Федор бросил взгляд назад, туда, где он только что расстался с Марьяванной, и сморщился, словно разжевав лимон.

Глава 11

Забросив сумку в багажник и плюхнувшись на водительское сиденье, Федор завел двигатель и почему-то мысленно вернулся к Нине. Ему вспомнились первые дни их знакомства. Ее доверчивый сияющий взгляд, смущенная робкая улыбка, негромкий мягкий голос, утренний нежный поцелуй, прикосновение тонких изящных пальцев к его лицу.

«Вот же парадокс! Нина меня предала, Виталик увел у меня любимую женщину, а я сейчас сижу и собираюсь спасти их от каких-то неприятностей в бизнесе! Ох и чудная же штука – эта жизнь!» – с горечью подумал Федор, понимая, что не в силах отказать Нине, женщине, которую когда-то очень сильно любил.

Оказавшись дома, Федор позвонил Нине и договорился встретиться с ней в три часа возле ее работы. Изучив почти пустой холодильник, он разогрел остатки макарон, морщась, доел их и, запив все жидким чаем, отправился в ванную комнату, где принял душ, побрился и тщательно причесался.

Ровно в три из проходной хладокомбината, быстрым шагом вышла Нина, кутаясь от ветра в накиннутую на плечи осеннюю куртку. Оглядевшись по сторонам, она заметила бордовую машину и быстро засеменила к ней. Усевшись на пассажирское кресло, она молча затравленно посмотрела на Федора. Тот достал две пачки долларов и также молча протянул их жене. Нина взяла деньги трясущимися руками, распихала их по карманам куртки и неожиданно тихо зарыдала.

– Феденька, ты даже не представляешь, какой ужас у нас происходит! Виталика пообещали убить, если он через месяц не вернет эти чертовы деньги, – давясь от слез, проговорила Нина. – Я даже не знаю, как мне тебя благодарить!

– Благодарить меня не надо, ты просто сдержи данное мне слово. Сохрани квартиру и дачу до лучших времен. И главное, чтобы об этом не знал твой драгоценный Виталик. Договорились?

Нина закивала головой, вытирая платком глаза.

– Но как быть с этими деньгами? Когда я тебе их должна вернуть? – приходя в себя, заволновалась она.

– Никогда! Ты, главное, сдержи свое обещание, и все. Я в ближайшее время уеду, вероятно, надолго, но обязательно когда-нибудь вернусь, и тогда мы с тобой спокойно все решим. Ладно?

На лице Нины появилась слабая улыбка, и она закивала головой.

– Феденька, а ты заметно изменился, похудел, но тебе это даже идет. Вот только глаза стали какими-то колючими. У тебя самого-то как дела?

– Да все нормально. Просто работы много, устал чуть-чуть. Ну, все, Нинок, ступай. Мне тоже уже пора ехать. Все будет хорошо, не переживай, – проговорил, улыбаясь, на прощание Федор. Нина улыбнулась в ответ и вылезла из машины. Глядя ей вслед, Савченко поймал себя на мысли, что на самом деле он по какой-то необъяснимой причине совершенно не верит в то, что у Нины и Виталика все будет хорошо. Он тяжело вздохнул, завел двигатель и направил машину к недавно открывшемуся торговому центру «Барселона», в здании которого раньше был обычный городской универмаг. Торговый центр «Барселона» работал уже год, но Федор, частенько проезжая мимо, даже не обращал на него внимания. Поговаривали, что этот торговый центр принадлежит бывшему первому секретарю райкома партии, который ныне проживает в Испании. Федору было все равно, кому принадлежит торговый центр, но он точно знал, что это заведение не для него, а значит, и нечего тратить на него время. Но сегодня все было по-другому. Федору жутко хотелось соответствовать той, с кем он собирался вечером встретиться, и, сжав волю в кулак, он вошел в «Барселону». Торговый центр был почти пустым.

У входов в павильоны стояли модно разодетые молодые люди, преимущественно девушки, и, поскольку покупателей не было, они о чем-то оживленно беседовали. Федор подошел к первому попавшемуся павильону и остановился перед входом, разглядывая висящие товары. Ярко накрашенная молоденькая продавщица в мини-юбке и ботфортах смерила его высокомерным взглядом и лениво проговорила:

– Здесь вы вряд ли что-то себе найдете. У нас все товары из Европы, и цены тоже европейские.

Федор удивленно посмотрел на нее, почесал затылок и пошел дальше. В соседнем павильоне продавщица оказалась более любезной, и Федор честно сказал ей, что собирается на свидание и хочет хорошо выглядеть.

– А на какой бюджет вы рассчитываете? – спросила девушка.

Федор пожал плечами и достал из кармана охапку скомканных пятитысячных купюр. Девушка оживилась и тут же быстро двинулась вдоль висящих рядов одежды, увлекая за собой Федора. Через полтора часа Савченко стоял полностью обновленный и с удивлением рассматривал себя в зеркале примерочной, испытывая двойственные чувства. С одной стороны, ему нравилось то, что он видел, но, с другой стороны, у него было ощущение, что все это какое-то чужеродное и фальшивое. Как будто он на сцене и одет в театральный костюм принца, который после спектакля придется повесить на вешалку до следующего выступления. На нем была черная английская куртка из кожи тончайшей выделки, темные джинсы, темно-бордовый мягкий пуловер, из-под воротника которого выглядывал нежно-голубой ворот немецкой рубашки. На ногах были темно-коричневые итальянские ботинки из мягкой натуральной кожи, а на левой руке поблескивали дорогие часы, которые обошлись ему дороже, чем весь его гардероб. Молодой человек из соседнего павильона, продавший ему часы, уверенным голосом заверил, что без солидных часов его новый имидж будет незавершенным. Федор, обреченно вздохнув, купил этот аксессуар престижности. Следуя на выход из торгового центра, Федор испытывал странное ощущение, ему казалось, что все продавцы, стоящие возле своих павильонов в пустом зале, как-то странно на него смотрят, и отчасти он был прав. Одна из продавщиц, провожая Федора задумчивым взглядом, наклонилась к подруге и тихо проговорила:

– Людка, ты только посмотри! Не пойму, как этот красавчик мимо нас проскочил?

– И не говори! – последовал ответ подруги. – Спортивный, подтянутый! А румянец на щечках, как у девушки! Прелесть, до чего хорош! И где только такие мужики водятся? Не то что мой Сашка – пивной бочонок на ножках!

Глава 12

Пока Федор усовершенствовал свой имидж в местном бутике, пока искал кафе и место, где припарковать машину, стрелки на новых дорогих часах предательски приблизились к десяти минутам седьмого. Федор бегом влетел в кафе. Здесь был полумрак, и он не сразу заметил Марьиванну. Когда же наконец разглядел ее через стекло холла, то сразу напрягся. Рядом с ней сидели четверо крупных парней лет двадцати пяти. Коротко стриженные, в спортивных костюмах, явно выпившие. Один из них, вероятно лидер команды, подсел к девушке и положил руку на ее плечо. Марьиванна с насупленным видом пыталась ее сбросить, нервно поглядывая на часы. Парень что-то ей говорил, жестикулируя свободной рукой. Остальная троица с наглыми улыбками, развалившись в креслах, наблюдала за представлением. Федор замер, внимательно оглядывая зал и оценивая ситуацию. Наконец приняв решение, он включил самую благодушную улыбку и вошел в зал.

– Маша, привет! – улыбаясь, проговорил он и обвел веселым взглядом парней. – Ты с друзьями?

– О! А вот и принц прискакал! – сострил один из парней, и все дружно заржали.

Взывать к разуму было бесполезно, компания была пьянее, чем Федору первоначально показалось.

– Ну что? Может, тогда по рюмочке за знакомство? Пойду найду официанта, – и Федор еще шире лучезарно улыбнулся, заметив, как зло сверкнули в его сторону глаза Марьиванны.

– А, мыслишь в правильном направлении, принц! Двигай, а то нас с девушкой уже жажда замучила.

Федор отошел в сторону, взглядом окинул ближайшие столы и быстро нашел то, что искал. Не привлекая внимания, он незаметно смахнул с пустующего стола прочную стальную вилку с костяной ручкой и засунул ее в левый рукав куртки. Вернувшись к столику, все так же жизнерадостно улыбаясь, он подошел к лидеру компании, который упорно пытался что-то ворковать на ушко Марьиванне.

– Ну что? Будем знакомиться? Я Федя! – и он протянул правую руку парню.

– Витек, – лениво в ответ протянув свою руку, важно проговорил парень. – А ты, Федя, я смотрю, нормальный пацан! И птаха у тебя тоже ничего! Только не очень вежливая. Ну, ты же ей объяснишь, как правильно общаться с солидными людьми? Верно?

– Конечно, – чуть ли не интимно проворковал Федор. Краем глаза он заметил, как безразлично скривилась Марьиванна.

В тот же миг он изо всей силы сжал правую руку Витька. Тот от неожиданности машинально подался вперед. Федор быстро зашел к нему за спину. Его правая рука продолжала неудобно сжимать парню правую руку, а левая с вилкой оказалась упертой в нижнее веко его глаза.

– Застыли все, проткну! – громко рявкнул Федор и сильнее вдавил вилку в веко Витька. Тот охнул, и все за столом растерянно замерли.

– Так! Вы трое подскочили – и на улицу, а нам с Витьком надо малость побазарить. Верно, Витек? Скажи «да», если понял меня, – со сталью в голосе проговорил Федор.

– Да, – боясь пошевелиться, тихо пробормотал Витек, ошарашенно косясь на упертую в веко вилку. Троица изумленно переглянулась и уставилась на Федора. В какую-то долю секунды приятель девушки из безобидного лоха превратился в безумного отморозка, готового не только выколоть глаз Витьку, но и без раздумий убить любого, кто встанет у него на пути. Это безошибочно считывалось в его немигающих холодных глазах. Даже сквозь алкогольные пары опасность, исходящая от гостя, ощущалась настолько явной и пугающе непредсказуемой, что по его команде парни тут же поднялись и, спотыкаясь, молча двинулись к выходу, пери-

одически тревожно оглядываясь назад. Народу в кафе было немного, и возникшая суета не осталась незамеченной. К ним быстро приближался красный взволнованный официант.

Не дожидаясь, когда он подойдет к столику, Федор, улыбаясь, громко командным голосом проговорил: «Уважаемый, нам срочно бутылочку водочки подороже, а также что-нибудь закусить на свое усмотрение. А самое главное – все очень, очень быстро. У нас ответственный этап знакомства».

Официант, не дойдя до столика, кивнул и, развернувшись, побежал назад. Федор хозяйски уселся между Витьком и Марьиванной. Его рука с вилкой переключалась от глаза к шее, больно кольнув несчастного Витьку. Тот чуть вскрикнул и напряженно замер.

– Слушай сюда, чучело. Ты мне весь вечер испортил. По-хорошему тебя бы наказать за это надо, да окончательно вечер портить не хочется. Поэтому ты сейчас выпьешь водочки за мир и дружбу во всем мире и отвалишь к своим друзьям. Еще раз попадешься мне на глаза – убью! Все понял? – шипящим злобным голосом проговорил Федор. Частое наблюдение за тем, как коллеги-таксисты общаются с конкурентами, ему явно пошло впрок.

Официант принес графин с водкой, какую-то закуску и быстро ретировался. Федор налил водку в большой винный бокал и протянул Витьку: «Пей!» Тот с кривой ухмылкой взял бокал и молча одним махом его осушил. Федор показал на закуску, подождал, пока Витек закусит, и тут же наполнил второй бокал, молча кивнув на него.

– Ты типа что, спить меня хочешь? Не проканает. Да я хоть литр всосу, мне это – что слону дробина. Пофиг!

– Ага, на словах все герои, – усмехнулся Федор.

Самодовольно хмыкнув, Витек залпом осушил второй бокал. Федор покосился на графин. Судя по всему, в нем осталось лишь грамм пятьдесят водки.

– А теперь поднялся и без лишней суеты пошел на выход освежиться. Тебя там кореша ждут, – проговорил Федор, поднимая ословевшего, что-то недовольно ворчащего Витьку.

Пошатываясь, тот двинулся по залу, что-то пьяно выкрикивая и размахивая руками. В холле он попытался заехать в ухо швейцару, но тот ловко уклонился, обхватил его и выпроводил на улицу.

– Уф! – выдохнул Федор и только сейчас внимательно посмотрел на Марьиванну.

– Вы как? – спросил он и тут же поежился от взгляда девушки. Казалось, что она еле-еле сдерживает клокочущую ярость, которая вот-вот вырвется наружу и обварит его, словно кипятком.

– Спасибо, Федор Александрович, что опоздали лишь на полчаса, а также за потрясающий вечер. У меня такого занимательного ужина еще никогда в жизни не было, – ледяным размеренным тоном проговорила Марьиванна и, вскочив, двинулась к выходу.

Федор бросил на стол деньги и поспешил за ней. Марьиванна твердым, решительным шагом шла к своей машине. Федор догнал ее, резко повернул к себе и, осознавая всю глупость и нелепость своих действий, решительно поцеловал ее в губы. Поцелуй получился скомканным, поспешным и каким-то театральным. Марьиванна с вытаращенными глазами отпрянула, оттолкнув его в грудь.

– Вы вообще-то в своем уме? – гневно проговорила девушка.

Федор стоял потерянный, сгорая от стыда, и благодарил Бога за то, что на улице уже стемнело и Марьиванна не видит, как он покраснел.

– Простите! – еле ворочая языком, огорченно вымолвил Федор и неожиданно для себя запальчиво ляпнул: – Вы необычная и потрясающе красивая. Я понимаю, что я вам не пара, но мне так хотелось сделать для вас хоть что-то приятное. Правда, пока выходит все наоборот, и, кажется, второй возможности у меня уже не будет. Да?

– Накрылась моя тренировка сегодня! – обреченно проговорила Марьиванна. – Вот что я вам скажу, уважаемый Федор Александрович, – ледяным голосом проговорила она. – Я очень устала, хочу есть, и, что еще хуже, кажется, я хочу выпить.

Федор недоверчиво посмотрел в ее глаза и с облегчением заметил в них пляшущие искорки смеха. И опять его посетила мысль, что когда-то ранее он уже видел это лицо и эти глаза. Но вспомнить, когда и где, он опять не смог. Находящийся рядом ресторан «Хутор» славился русской кухней, высокими ценами и респектабельной публикой. Федор, глядя на Марьиванну, махнул вопросительно головой в его сторону, девушка, вздохнув, пожала плечами и еле заметно кивнула в ответ.

– Мы выпили, а значит, за руль нам нельзя, поэтому провожать меня мы пойдем пешком. Тут недалеко, – категорично произнесла Марьиванна, выходя с Федором из ресторана.

За ужином они перешли на «ты», Федор в двух словах обрисовал свое семейное положение, бывшую и нынешнюю работу, ловко избежав упоминаний о событиях последних дней. Марьиванна весело и непринужденно рассказывала смешные истории из банковских будней. Коротко поведала, что из близких у нее только отец, мама умерла десять лет назад. Был старший брат, но он трагически погиб в 1987 году. Федор не стал что-либо уточнять, боясь прервать ее рассказ. Ему был приятен ее низкий спокойный тембр голоса, искры, вспыхивающие в смешливых глазах, плавная жестикуляция изящных рук, когда она увлеченно о чем-то рассказывала. В Марии чувствовалось что-то очень основательное и спокойное. Было ощущение, что у нее есть ответы на любые вопросы в жизни.

– Куртка Belstaffgangster, джинсы Dolce & Gabbana, ботинки Testoni, часы Breitling. Ты, наверное, на этот брендовый шик спустил все, что сегодня у нас обменял? – насмешливо проговорила Марьиванна.

Федор непонимающе захлопал глазами:

– Это ты, сейчас, о чем?

Девушка заразительно рассмеялась:

– Это я про твой внешний вид. Вообще-то выглядишь очень эффектно. Просто не узнать того растерянного мальчишку, что пришел сегодня утром в наш банк. Тебе идет этот стиль. Но все равно ты очень странный и загадочный тип! То робеешь, как пятнадцатилетний пацан, то действуешь так, как отпетый уголовник. Честно говоря, в какой-то момент ты меня жутко напугал, пожалуй, даже больше, чем те пьяные придурки. Ты бы видел себя со стороны! Мне показалось, что еще секунда – и ты кого-нибудь убьешь.

– Прости, я этого не хотел, как-то случайно все вышло, – расстроено проговорил Федор.

Девушка искоса взглянула на него. Тот стоял, обреченно опустив голову, и на его лице было такое неподдельное страдание, что она, невольно сжалившись над ним, улыбнулась и шутливо потрепала по волосам.

– Ладно, проехали! – мягко проговорила она.

От ее слов и прикосновения Федор вскинулся и радостно улыбнулся. В этот миг вся предыдущая жизнь показалась ему какой-то далекой и невероятно тусклой. Он с удивлением поймал себя на мысли, что предательство Нины уже больше не вызывает в душе острой боли и сожаления. Даже тревожные размышления о будущем в этот момент отошли куда-то очень далеко. Марьиванна шла, слегка опираясь на руку Федора, и от ее легкого прикосновения, запаха каких-то приятных незнакомых духов, от звука ее мягкого грудного голоса на душе Федора стало спокойно и радостно. У него возникло странное ощущение, что прямо сейчас в его жизни происходит что-то очень важное и значимое. Через пять минут они подошли к дому девушки.

– Мне страшно вато подниматься одной на третий этаж. Вдруг там опять хулиганы, – полушепотом проворковала Марьиванна.

– А мне-то как страшно оставаться одному на пустынной улице! – в тон ей прошептал Федор.

– Ну, так пошли наверх вместе.

– Ну, не знаю... а ты приставать не будешь? – прошептал Федор.

– Вот же гад! – смеясь, воскликнула девушка, и маленький кулачок стукнул Федора в живот.

Федор спокойно и уверенно обнял Марьиванну, затем не спеша нежно поцеловал ее в губы, поражаясь сам себе и до конца, не веря в происходящее.

Глава 13

Врач только ушел. Семен Борисыч лежал в кровати, хмуро изучая стену и в который раз размышляя над сложившейся ситуацией. Дверь скрипнула, и в проеме появился неприметный мужчина среднего возраста.

– Ну, что сказал? – поинтересовался мужчина.

– Да ну его на хрен! – раздраженно подал голос Борисыч. – Пытался меня приободрить. Будто я дитя несмышленное и не просекаю, что все хреново и что химия не дала результатов. А ну их! – махнул рукой Борисыч. – Есть дела поважнее. Ты, Леха, тащи мою одежду и помоги мне в божеский вид прийти, а то через час этот пострел Федька прибежит, надо с ним о важном перетереть. Да, и укольчики, те, что Кабан передал, тоже тащи.

– Может, не стоит так часто? – осторожно спросил Леха.

– Сопляк, ты меня, учить будешь, что надо, а что нет? – заорал Борисыч. – Кстати, что удалось выяснить о нашем Федьке?

– Да, в общем, оранжерейный пацан, эдакий домашний фикус. Сам из Калининграда, учился в Москве, потом к нам приехал. Работал главным инженером где-то в Коченах, потом предприятие издохло, подался в таксисты, вроде жена недавно от него свалила. Не блатной, не мент, не сидел, не служил. Короче, никакой, ни рыба ни мясо. Фикус – он и есть Фикус. Вот и вся история.

– Понятно, что тогда вообще ничего не понятно, – пробормотал старик. – Ладно, поглядим! Ну, что встал? Тащи одежду и лекарство Кабана.

Леха кивнул головой и тут же исчез.

– Ох, беда, беда, – горестно проворчал старик. – И как же все это дерьмо враз к нам свалилось?

Припарковавшись перед нужным домом, Федор, пребывая в радостном настроении, взлетел на третий этаж и позвонил в восемнадцатую квартиру. Дверь почти сразу открылась. Перед Федором стоял тот самый мужчина, который помог уйти ему и Борисычу в драке с менялами. Что-то тревожное шевельнулось в душе, но Федор все же решительно переступил порог.

– Подними руки, – властно проговорил мужчина.

Растерявшийся Федор молча подчинился, гадая, что происходит. Опытные ловкие руки быстро и тщательно ощупали его тело.

– Ремень вытащи, – последовала бесстрастная команда.

– Это еще зачем? – возмущенно удивился Федор.

– Уж больно ловко ты им умеешь пользоваться, – последовал спокойный ответ.

Получив от Федора ремень, мужчина внимательно осмотрел пряжку и одобрительно покачал головой:

– Толково сделано! Проходи.

– Федор вошел в большую пустынную мрачную квартиру с высокими потолками и почти серыми от времени стенами. Из прихожей вел широкий длинный коридор, в стенах которого виднелось несколько дверей. Остро пахло лекарствами и чем-то съедобным. Мужчина провел Федора к одной из дверей и, впустив его внутрь, зашел следом. Помещение было мало похоже на жилье. Большой потрескавшийся стол, за которым сидел Борисович, рядом четыре стула, в дальнем углу стоял безвкусный старый шкаф и дверь в другую комнату. Больше в комнате ничего не было. На столе перед Борисовичем лежал толстый еженедельник и шариковая ручка.

– Присядь, Федя, – прозвучал усталый голос.

Федор, ошеломленный приемом, молча сел на стул и уставился на Борисыча. Тот был одет в черную водолазку, тщательно выбрит, редкие седые волосы были аккуратно зачесаны назад. Лицо казалось еще более бледным и заострившимся. Костлявые пальцы левой руки медленно

постукивали по столешнице. Старик слегка дрожал и периодически, словно от холода, вжимал голову в плечи.

– Это Леша. Ты, кажется, хотел ему проставиться, помнишь?

Федора поразила метаморфоза, произошедшая со стариком. Несмотря на бледный, изможденный вид, это уже был не прежний несчастный дед, а худощавый, неопределенного возраста незнакомец, излучающий волю, острый ум и внутреннюю энергию. Какое-то время они молчали. Борисыч смотрел на Федора, словно о чем-то рассуждая, а тому казалось, что тяжелый взгляд старика сейчас прожжет ему мозг. Предчувствуя недоброе, он заерзал на стуле. Наконец Борисович прервал молчание и металлическим голосом произнес:

– Федя, мы сейчас поступим следующим образом. Я тебе задам несколько прямых вопросов, а ты мне дашь несколько прямых, честных ответов. Если я пойму, что ты со мной полностью честен и откровенен, то мы, возможно, и найдем выход из одной сложной ситуации. Если начнешь юлить и крутить, то ты отсюда живым не выйдешь. Тебе понятно, что я сказал?

Ошарашенный Федор покосился на стоящего с непроницаемым лицом Леху и автоматически кивнул головой, во все глаза глядя на преображенного Борисовича.

– Ну, давай начнем. Откуда у тебя баксы?

Федор некоторое время молчал, понимая, что история про проданную квартиру не пройдет.

– Давай я тебе немного помогу. В Глуховецке не было за последние два года продаж квартир выше десяти тысяч долларов. Ни ты, ни твоя жена, которая от тебя недавно ушла, не продавали никакой недвижимости. А вот сто долларов, которые ты мне дал, мелькают в одной очень неприятной для всех нас истории. Хочешь что-то сказать?

– Хочу! Но сначала скажите, кто вы такой? Бандит? Типа вор в законе?

– Федя, меня основам тактики допроса много раз учили на собственной шкуре, поэтому не пытайся отклониться от темы и выиграть время на размышление. Как я сказал, если будешь со мной откровенным, у тебя появится шанс выжить. Нет – умрешь, – спокойно проговорил Борисыч.

У Федора мелькнула догадка, что, вероятно, Борисыч и есть хозяин денег, которые вез Крысеныш. С грустью пронеслась мысль о несбывшейся мечте создать собственное предприятие. «Можно забыть. Видимо, действительно несправедные деньги к добру не приводят», – подумал он и, вздохнув, решил во всем сознаться. А там будь что будет.

– А с чего начать? – осторожно задал вопрос Савченко.

– Да с чего хочешь. Кто ты такой, чем занимаешься, ну, и так далее.

С трудом подбирая нужные слова, Федор начал медленно рассказывать историю своей жизни, начиная с работы на комбинате и плавно приближаясь к событиям позапрошлой ночи. В конце концов, возможно, это действительно шанс как-то выпутаться. Борисыч откинулся в кресле и, устремив взгляд куда-то в стол, внимательно слушал Федора, иногда кивая головой. Когда Федор дошел до момента убийства Крысеныша, Борисыч резко вскинулся:

– Хочешь сказать, что ты вот так запросто завалил Слона? Парень, ты ничего не путаешь? Многие умельцы пытались это сделать, но пока никому не удавалось. Говорят, он очень осторожный и верткий товарищ.

– Какого еще слона? – недоуменно спросил Федор.

– Слон – это погоняло убиенного тобой малыша. Ты раньше не слышал эту кликуху?

Федор изумленно покачал головой.

– И убить его было вовсе непросто, – глухим голосом произнес Савченко. – У меня этот миг до сих пор перед глазами стоит и, видимо, уже никогда не забудется.

– Так вот. Сообщаю тебе, что Слон был большим умельцем во всяких восточных драках. Но он умел не только хорошо рукам и ногами махать, он и умом был не обижен. А с учетом его большого практического опыта... Он же в Афгане разведчиком был и даже награду получил

за то, что во время боя какого-то важного мулу захватил в плен и к своим чуть ли не на себе притащил. Ты ничего не присочинил?

– Нет, видимо, я просто очень способный, – с горькой иронией пробурчал Федя.

– Да уж! Ну, продолжай, гений.

И Федор продолжил. После подробного пересказа кошмаров двух последних дней Федор почувствовал себя дико усталым и опустошенным. Ему стало абсолютно все равно, что с ним будет дальше, лишь бы это все как можно быстрее закончилось. И плевать, чем именно!

– Ну, что ж, звучит все довольно убедительно. Ладно, моя очередь, – негромко проговорил Борисыч. – Я расскажу тебе кое-что, чтобы ты имел представление, куда вляпался. Ты знаешь, кто такой Клим?

Федор отрицательно покачал головой. В это время на столе с пронзительным противным звуком задребезжал телефон. Старик, сморщившись, схватил трубку.

– Я слушаю. – произнес он ровным голосом. – Одну секунду, – прижав микрофон трубки к груди, он махнул головой стоявшему позади, Лехе. Тот подошел к Федору и, похлопав его по плечу, кивнул, призывая следовать за ним. Они прошли на кухню и молча уселись за стол. Федор попытался завести вежливую беседу, но Леха встал из-за стола, взял с подоконника несколько журналов и бросил их Федору, после чего вернулся к окну и неподвижно уставился во двор через мутное, давно не мытое стекло. Федор понял намек, открыл журнал и стал его листать, насупленно периодически поглядывая на своего стража.

Когда дверь за Федором и Лехой закрылась, Борисыч поднес трубку к уху.

– Итак? – устало проскрипел он.

– Доллары, которые тебе дал Федя, и те, что он принес в банк, все имеют одну и ту же отметку, о которой ты мне говорил, – проговорил женский голос.

– Да я уже в курсе... – Борисыч зажмурился и начал тереть лоб рукой. – Машка, ты сегодня уезжаешь в Москву на неопределенное время. Не знаю, в командировку от банка или на какую-нибудь учебу, в общем, Горыч уже должен был вчера тебе выписать какие-нибудь убедительные бумаги. В ближайшее время здесь тебя быть не должно. Тут станет очень опасно.

– Пап, ты можешь честно сказать, у Феди неприятности? – с тревогой в голосе спросила Марьяванна.

– Похоже на то.

– Помоги ему.

– Вчера тебя видели с Фикусом в кабаке, а сегодня ты первый раз за все время опоздала на работу. Ты что, с ним переспала?

– Это ты ему такую кличку придумал? Фикус... смешно. Ничего не скроешь в нашем мегаполисе. Но ты сам велел его прощупать, я и прощупала.

– Но я не велел тебе тащить его в постель!

– А в постели лучше прощупывается!

– О господи, вот же зараза, а не девка! – воскликнул Борисыч. – Машуня, он убийца! Он грохнул племянника Клима. Ты понимаешь, чем это может обернуться?

– Как это произошло? – задала вопрос Марьяванна.

– Долго рассказывать, но похоже, что Слон хотел его убить и Фикус, защищаясь, его завалил.

– Вот в это я верю, но тогда чем ты отличаешься от него?

– Да как ты смеешь такое говорить? – возмущенно заорал Борисыч. – Это совсем другое. Я защищал твою мать, женщину, которую пытался избить здоровенный мужик.

– Ага, только этот мужик был ее законным мужем, а ты был знаком с мамой лишь один день. Скажи, а перед тем как броситься на того мужика, который был здоровее и старше тебя, ты долго раздумывал над тем, сколько времени ты был знаком с мамой? В тот момент ты подумал о том, что можешь сесть на шесть лет? И что тогда будет с мамой и со мной?

– Я любил Аню всю свою жизнь, – задыхаясь от возмущения, выкрикнул Борисыч. – Ты это прекрасно знаешь.

– А вдруг я тоже полюбила этого парня и тоже готова любить его всю жизнь?

– Вот так сразу, за день знакомства и полюбила? Деточка, что ты несешь?

– Борисыч, ты pomoжешь или нет? Если нет, то я никуда отсюда не уеду, ясно?

– Господи, да в кого же ты такая впертая дура? – опять заорал Борисыч.

– Догадайся с трех раз. Если пообещаешь ему помочь, то я буду самой послушной девочкой. Клянусь.

В трубке повисла напряженная тишина. Наконец Борисыч прервал молчание:

– А ты заметила, до чего он похож на Борьку? Горыч, когда его увидел, чуть дара речи не лишился.

– Это трудно не заметить, но ты знаешь, мне кажется, он не только внешне на него похож. Пап, так ты pomoжешь ему? – с надеждой в голосе спросила девушка.

– Вот же заноза, вьешь веревки из немощного старика! Как же мне с тобой тяжело! Была бы Аня жива, она бы смогла с тобой управиться. Хреновый из меня отец получился.

В трубке раздался смех:

– Ну ты про немощь свою кому-нибудь другому рассказывай. Борисыч, ты же знаешь, старый плут, что я тебя всегда любила и буду любить. Ты самый лучший отец, даже не сомневайся. Помоги Феде, ладно? Это первый и последний раз, когда я тебя о чем-то так сильно прошу. Ты же знаешь, что я с мужиками скала, но в данном случае, я точно знаю, это мой мужчина!

– Ох, гореть мне в аду! Ладно, попробую, – тяжело вздохнув, проворчал старик. – Тогда вечером будь у меня, нам надо очень о многом подробно переговорить. Есть у меня одна идея...

– Договорились! – радостно ответила Марьиванна.

На этом разговор завершился. Взглянув на свою левую дрожащую руку, старик опустил ее под стол и, скривившись, громко раздраженно заорал: «Леха! Тащи сюда этого чертового Фикуса!»

Глава 14

Савченко сидел на жестком стуле и молча исподлобья смотрел на Борисыча. Тот сосредоточенно о чем-то размышлял, некоторое время глядя на поверхность стола, затем его тяжелый взгляд медленно поднялся и уперся в глаза Федора.

– Так вот. Я обещал тебе кое-что рассказать о Климе. Это очень авторитетный в Москве человек. Ему жутко приспичило прикупить золотодобывающий комбинат «Звезда», на котором он проработал семь лет в молодости и из-за которого потом еще пять лет топтал зону. Комбинат уже несколько лет практически негласно принадлежал другому авторитетному человеку – Паше Ташкентскому. В свое время директор комбината задолжал Паше очень приличную сумму, которая была необходима на обновление производственного оборудования. Клим и Паша целый год обсуждали сложившуюся ситуацию и наконец пришли к согласию. Был проведен тщательный аудит предприятия и выявлен реальный размер долга Паше. После этого задолженность была справедливо реструктурирована и по обоюдному согласию сторон уменьшилась до пяти лимонов зеленым. Но Паша при таком раскладе затребовал, чтобы долг был выплачен налом, то есть чем давал – тем и верните. Более того, обязательное условие – возврат бабла в том же месте, где оно и отгружалось в свое время директору. А это, брат, сраная железнодорожная станция Замятинка, на которой и поезд-то стоит лишь две минуты. Не спрашивай, почему такие странные предпочтения. На то были свои серьезные резоны. В итоге обе стороны на это согласились. Они тщательно проработали логистику доставки денег, исключаящую взаимные подлянки. Наконец переговоры пришли к нормальному завершению. Обе стороны были крайне заинтересованы в том, чтобы все прошло по-человечески, то есть тихонько, без мутных арбитражей, стрельбы, крови и визга в прессе. На доставку бабок Клим отрядил своего племянника, самого доверенного человека – Слона. Тот подобрал толковых пацанов из своей бригады. В итоге пацанов находят отравленными в поезде, а Слон с деньгами просто растворился в воздухе у нас в Глуховецке. Клим просит меня помочь, и отказать ему я не могу. С утра пытаюсь выяснить, не мелькают ли у меня климовские баксы. И тут нарываюсь на фрэера, который по благородству души устроил мне шоу Куликовской битвы, угостил обедом и в финале просто впихнул в меня меченые доллары, которые я не особо-то и рассчитывал найти. Честно скажу, Федька, давно меня никто так оригинально не развлекал!

Потеря бабок для Клима – вещь очень неприятная, но это он как-нибудь переживет – не последние. Но вот если он через десять дней не найдет виноватого и не расплатится с Пашей, то тогда он должен будет лимон в качестве штрафа за срыв сделки. А вот это уже серьезно. Если он заплатит штраф, то признает, что его кинули, как вокзального лоха. Это позор и слабость. А если он слаб, то почему бы и другим не попробовать отгрызть у него кусок. Если же не заплатит, то неизвестно, какую ответку метнет Ташкентский, а кроме того, от Клима отвернутся люди. Ему больше не будет доверия. Авторитет в этом мире зарабатывается годами, а потерять его можно за секунду. Короче, если он в ближайшее время не найдет деньги и того, кто его кинул, то для него это может быть началом конца. Да и о своей давней мечте насчет прииска он тоже вынужден будет забыть. Поэтому рыть Клим будет очень основательно. Теперь ты понимаешь, в каком дерьме оказался?

Федор кивнул головой:

– Если вы мне все это рассказываете, то, скорее всего, сдавать Климу не собираетесь. Какой у меня выход? Отдать Климу все деньги в обмен на жизнь? Это поможет выпутаться из этой чертовой истории? Я готов все вернуть хоть сейчас.

– Дурак ты, Федька. Кто бы сейчас ни вернул Климу деньги, он в первую очередь будет подвергнут очень тщательной проверке на причастность к заговору против него. Для этого у Клима есть очень толковые мастера своего дела. И, я тебя уверяю, в этом случае правда все

равно выплывет. Ты убил его племянника. Он был его родней и правой рукой. Следовательно, поднять тебя на вилы как виновника всех бед, да еще таким образом демонстративно отомстить за смерть Слона в назидание другим Климу будет очень выгодно. И овцы целы, и волки сыты. Ты сечешь, стручок, о чем я тебе сейчас толкую? Для Клима это идеальный выход, – тяжело дыша, с усмешкой проговорил Борисыч.

– Так что же мне делать? – обреченно спросил Федор.

– Скажи, дружок, а гроши ты хоть надежно заныкал? Есть надежда, что их никто не найдет хотя бы в течение полугода? Раньше-то к ним и прикасаться даже нельзя.

– Думаю, что да, – растерянно ответил Савченко. – На дачу, кроме жены, больше некому приезжать. Да и она туда больше не любит ездить. До лета точно не появится, а то, может, и вообще очень, не скоро. Не до того ей сейчас.

– Хорошо, – задумчиво произнес Семен Борисович. Затем, взглянув на своего помощника, проговорил: – Леша, иди кофейку попей да понаблюдай за улицей на всякий случай, а мы тут еще немного покалякаем.

– Борисыч, уверен? – нахмурившись, спросил Леха.

– Не переживай, ступай, – миролюбиво пробормотал старик.

Помощник кивнул и вышел.

– И еще вопрос к тебе, парень. Чего ты вообще хочешь в этой жизни, к чему стремишься? – спросил старик, вперившись в Федора пронзительным взглядом.

– А вам-то какое дело? – не сдержавшись, раздраженно воскликнул Федор. – Что мы все вокруг да около ходим? Надоело! Давайте уже наконец что-то предметно решать!

– Не борзей, щенок! – неожиданно рявкнул старик. – Я не с каждым такие душещипательные беседы веду. Не нравится – вмиг окажешься привинченным к батарее Клима дожидаться. Разводя тут мансы с тобой, я и так сильно рискую. Все ясно?

– Извините, не хотел обидеть, – смущенно проговорил Федор. – Но боюсь, что вы просто не сможете меня понять.

– Я что, настолько тупой? – с кривой усмешкой спросил Борисыч.

– Да нет, – задумчиво проговорил Федор. – Без обид, но просто мы живем в абсолютно разных мирах.

– А ты еще наивнее, чем кажешься, – рассмеялся старик. – Не такие уж у нас и разные миры, дружок, если взглядеться повнимательнее.

– Ну, ладно, попробую объяснить, – Федор, волнуясь, прокашлялся. – Когда-нибудь я создам собственное предприятие по производству радиолокационной техники. Соберу самых толковых людей, где их заработок будет зависеть только от их талантов и умений. Я же досконально знаю все этапы производства и как его можно усовершенствовать. Хоть сейчас могу по памяти перечислить особенности любого заказа, по которому мы работали. В общем, идей на этот счет у меня много. Честно говоря, в тот момент, когда я увидел те деньги, у меня мелькнула шальная мысль: «Может, это шанс, чтобы мечта стала реальностью?» Ладно, все это лирика, я не думаю, что вам это интересно, – закончил Федор и, тяжело вздохнув, внимательно взглянул на Борисыча.

– То есть если бы климовские миллионы достались тебе, то ты бы вложил их в собственный производственный бизнес? – спросил, усмехнувшись, Борисыч. – А, прогореть не боишься?

– Ну такой риск, наверное, всегда существует. А вы что, хотите мне предложить воспользоваться этими деньгами? – улыбнувшись, в шутку спросил Федор и тут же осекся, натолкнувшись на пристальный серьезный взгляд старика.

– Вы что, серьезно? – изумленно шепотом спросил Федор. Борисыч, глядя на него, медленно кивнул головой.

– Но это как-то... как-то необычно, – подбирая слова, растерянно пробормотал Федор.

– Понимаю, но договор на десять листов мы готовить не будем и подписей кровью ставить тоже не будем. Теперь, по существу. Послезавтра сюда прибудет отряд «октябрят» Клима, возглавлять его будет Вацек. Он у Клима за безопасность отвечает. Мужик очень башковитый, раньше был толковым опером. Уверяю, он перетрясет тут все, под каждый камень заглянет. Кроме того, нашим ментам поступила команда из Москвы от высшего начальства взять на особый контроль поиск пропавшего племянника уважаемого бизнесмена. Поэтому завтра ты должен свалить из города, куда я тебе укажу, – старик протянул Федору листок бумаги. – Выучишь наизусть и уничтожишь. На месте вы получите новые документы и как минимум на полгода зашхеритесь куда-нибудь подальше и поглубже. И только не раньше, чем через полгода ты очень осторожно вернешься сюда за деньгами. Один лимон ты отдашь Лехе. Это мое обязательное условие. Я хоть и оставляю ему приличное наследство, но он заслуживает большего, да и вам будет нужен надежный человек.

– Простите, но кому это вам? Кого вы еще имеете в виду? – растерянно пробормотал Федор.

– Есть одна особа, с ней и будешь свой бизнес поднимать. Если подведешь ее, то ты не жилец, я тебя и с того света, если что, достану. Ясно?

– Вы можете нормально сказать, о ком речь и почему вы решили мне помочь? – раздраженно спросил Федор.

– Рак у меня, парень, долго не протяну, – мрачно проговорил старик. – Первое, что решит Клим, – это поинтересоваться, не причастен ли я к случившемуся. Я был посредником между этими двумя надутыми индюками и вместе с юристами прорабатывал всю схему продажи прииска. Я был в курсе всех деталей операции. Следовательно, ко мне в первую очередь и будут вопросы. Клим знает, что на мне где сядешь, там и слезешь, особенно сейчас. Но он умеет находить человеческие слабости и давить на них с особым старанием. А единственная моя слабая точка – это моя дочь. Она самое ценное, что у меня осталось в жизни. Поэтому для нее оставаться здесь будет очень опасно. Я хочу, чтобы у нее была другая жизнь, подальше отсюда, от моих дел и особенно от Клима. Одной ей будет нелегко, а тут как раз ты вовремя нарисовался. В общем, она считает, что ты и есть ее мужчина, да и выбора она мне особого не оставляет. Мать ее цыганкой была. Черт знает, может, и правда у них какая-то тайная чуйка на мужиков есть? Вот с ней на пару где-нибудь подальше отсюда и замутишь свой бизнес. Ты вроде с головой, и она не дура, да и климовские бабки будут вам в помощь. Так ты сможешь о ней позаботиться?

– Но подождите, я даже не знаком с вашей дочерью! – воскликнул изумленный Федор.

– Ты где сегодня ночевал, Дрантаньян хренов? – усмехнулся Борисыч.

Федор сначала непонимающе заморгал глазами, а затем хлопнул себя по лбу.

– Точно! – воскликнул он. – Ну конечно! Как же я сразу не сообразил! У нее же ваши глаза, один в один! А я все никак не мог понять, кого же мне Марьяванна напоминает!

– Так, с этим разобрались. Теперь дальше. Сейчас ты с Лехой пройдешь краткий курс молодого бойца. Он тебя посвятит в основы отрыва. Слушай его внимательно, он большой мастер по всякой партизанщине.

– Ага, только что-то ваш мастер по партизанщине поздно вступился за вас на Привальной! – язвительно проговорил Федор.

– Когда я знак подал, тогда он и вступился, – раздраженно отрезал старик. – Не сбивай меня с мысли, баламут! На чем я остановился? Ах да... Я дам тебе сто штук зеленым. Это на дорогу, на новые документы и на временное незаметное проживание где-нибудь в глуши. Все климовские банкноты просто, но эффективно помечены, поэтому за кубышкой ты вернешься не раньше, чем через полгода, когда деньги немного остынут. Так, далее. Сегодня же ты едешь во Фрумкино и покупаешь билет на самолет до Калининграда на рейс дня через четыре. Потом едешь домой и обзваниваешь всех своих родственников и корешей в Калининграде. Сообща-

еешь, что развелся и хочешь вернуться домой, чтобы начать новую жизнь. Первое, что сделает Вацек, если выйдет на тебя, а это очень вероятно, – пробьет твой домашний телефон. Постарается понять, кому ты звонил и, соответственно, где тебя искать. То же самое сделают и менты, если тоже выйдут на тебя. Вот пусть они все дружно и ждут тебя в аэропорту. Тебе это даст некоторую фору. Трюк старый, но до сих пор работает. Все ясно? – спросил Борисыч.

– А что с Машей? – подал голос Федор.

– Она завтра уезжает в Москву в командировку. Помаячит там пару дней, а потом потихому слиняет туда же, – Борисыч ткнул дрожащим пальцем в листок, который по-прежнему вертел в руках Федор. – Вот там вы и встретитесь, добираясь каждый своим ходом.

– У меня последний вопрос, – задумчиво проговорил Федор, глядя на старика. – Как думаете, зачем Слон рвался в «Искру»? Что он замышлял? Я там был и выяснил, что сразу на следующий день из того номера, что был указан в найденной у Слона записке, поспешно уехала какая-то симпатичная девушка по имени Вера. Вела себя очень нервозно и, судя по мнению проживающих, явно кого-то ждала.

– Черт знает, возможно, девица – его подруга, и не исключено, что Слон с ней и хотел куда-нибудь свалить. Но теперь это все без разницы и не имеет для нас никакого значения. Пусть теперь Клим копается в сердечных делах своего племянника, – махнул рукой старик. Неожиданно его лицо скривилось от боли, он зажмурился и, согнувшись над столом, яростно заорал: – Леха, твою мать! Тащи сюда стекляшки! Срочно!

Глава 15

Только к десяти часам вечера Федор, вконец уставший, подъехал к дому, но тут его ждала неудача. Двор в том месте, где он обычно ставил машину, оказался перекопан, заставлен какими-то трубами и рабочим вагончиком. На двери подъезда висело объявление о том, что горячая вода отключена в связи с ремонтными работами. Чертыхнувшись, Федор объехал три квартала, прежде чем нашел место, где можно было оставить машину. Добравшись до дома, он спустился в подвал, достал из тайника пакет с вещами Слона, сунул его в другой пакет с долларами, полученными от Борисыча, и все это перепрятал на чердак, рассудив, что до утра ничего страшного с пакетом не произойдет. Зайдя в квартиру и несмотря на поздний час, Савченко добросовестно обзвонил своих калининградских знакомых, сообщив, что в ближайшие дни собирается вернуться. Был уже первый час ночи, но Федор все же решил собраться, чтобы с утра, по-быстрому перекусив, сразу отправиться в путь.

«Одежда должна быть не новой, но аккуратной и чистой, при этом удобной и просторной, чтобы не сковывала движений и позволяла поддеть при необходимости что-то еще. Твой внешний вид не должен привлекать внимание и не должен запоминаться. Ты должен всегда быть одним из многих. Самая важная часть твоего гардероба – это обувь. Она должна быть проверенная, разношенная и крепкая. При встрече с незнакомыми людьми старайся оставаться незапоминающимся. Говори вежливо, но коротко. Большие слушай, поддакивай, задавай вопросы, но на любой случай всегда имей стройную легенду, которую при необходимости можешь уверенно изложить. С этого дня ты для меня Фикус, и, если я тебя по телефону назову как-то иначе, значит, это сигнал опасности. Ясно?» – всплыли слова Лехи во время инструктажа у Борисыча.

– Ну, просто подготовка разведчика-диверсанта! – попытался тогда сострить Федор, но тут же осекся, столкнувшись с тяжелым холодным взглядом инструктора.

Сейчас, собирая вещи в дорогу, Федор в очередной раз задумался о предстоящем завтра пути. Для этого вчера с Лехой был разработан замысловатый маршрут, который не отследить по купленным билетам с предъявлением паспорта и исключая случайное столкновение с кем-либо из знакомых. Через лес Федоскинского заповедника к вершине Лебяжьей горы. Потом спуск вниз к карьере, а далее, минуя село Валентиновка, попутками и местными электричками на юг до Новороссийска, где в итоге должна была состояться встреча с Машей и где их ждали новые документы. Дистанция – порядка двух тысяч километров. При нормальном стечении обстоятельств это две недели пути. Главное – незаметно, как можно быстрее и подальше убраться за пределы Глуховецка, а там уже будет проще. Во всяком случае так уверял помощник Борисыча – Леха. В какой-то момент у Федора появилась мысль, а не спущает ли он краски. Может, стоит без всех этих сложностей сесть на рейсовый автобус и спокойно уехать куда-нибудь подальше, а там продолжить путь цивилизованным образом. «Обо мне никто ничего не знает! Зачем все так усложнять!» – мелькнула на секунду в голове ленивая мысль. Но после очередных размышлений он все же решил довериться Лехе и придерживаться выбранного плана.

В то время как Федор искал место для парковки своего автомобиля, на вокзальную площадь Глуховецка с перрона сошли четверо. Старшим компании был Вацек – солидный, почти лысый мужчина в массивных дымчатых очках, в длинном теплом плаще поверх добротного костюма. Решение изменить план и приехать в Глуховецк на два дня раньше было принято им осознанно и тщательно скрывалось от почти всех окружающих его лиц. У Вацека было стойкое подозрение, что в деле замешан еще кто-то из своих в Москве и этот кто-то может слить информацию о его приезде в Глуховецк. А кроме того, к тому моменту, как придется общаться с местными ментами, ему хотелось уже иметь собственное представление о ситуации в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.